

Роман Заречный

Нет пути

Они не пройдут

Роман Заречный

Нет пути. Они не пройдут

«Издательские решения»

Заречный Р.

Нет пути. Они не пройдут / Р. Заречный — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907221-4

Прошлое изменить невозможно. Но что, если... в какой-то момент времени возникло два варианта развития событий, осуществившихся независимо друг от друга?! И как жить, если планета, которую считал родной, вдруг окажется погружена в беспросветный мрак?.. И кто даст ответ — непостижимые посланники инопланетных цивилизаций, пытающиеся оправдать непонятное бессилие, или таинственный чернокожий воин, лишённый имени и прошлого?.. И что, если всё это приведёт лишь к одному исходу?.. Вот, только...

ISBN 978-5-44-907221-4

© Заречный Р.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I	6
1. Чужая крепость	6
2. Вставай, проклятьем заклеимённый...	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Нет пути Они не пройдут

Роман Заречный

*Тридцать спиц соединяется в ступице колеса,
И от того, что не существует, от пустоты в ступице,
Зависит польза колеса.*

*Из глины изготавливают сосуд,
И от того, что не существует, от пустоты в сосуде,
Зависит его польза.*

... Следовательно, все вещи полезны.

И полезны они благодаря тому, чего в них нет.

Лао-Цзы, Дао Дэ Цзин

© Роман Заречный, 2018

ISBN 978-5-4490-7221-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I

1. Чужая крепость

Я медленно открываю глаза. То, что я не дома, не знаю, где нахожусь, и не имею ни малейшего понятия, как здесь оказался – это я осознаю сразу. И всё. Больше никаких мыслей, и ни страха, ни удивления. Я лишь отстранённо рассматриваю окружающее

Тело моё покоится, в полусидячем положении, на каком-то светло-сером кресле с подлокотниками и высокой, чуть отклонённой назад спинкой. Само помещение выглядит довольно-таки мрачно: в стенах, из плотного серого ребристого кирпича, нет ни одного окна, и только в дальнем углу тускло блестит металлическая дверь. Всё освещается одной-единственной лампой, закреплённой под потолком, пронзительно-яркий свет которой, с непривычки, заставляет меня прищуриться

Но, помимо скудной обстановки, здесь есть ещё, на что посмотреть. Я здесь не один: передо мной, на таких же серых креслах, устроились ещё трое. Сидели они молча, и я стал, не торопясь, их разглядывать. Одеты они были одинаково, и довольно странно – по крайней мере, не совсем обычно: чёрные брюки и рубашки без пуговиц. Тоже чёрные, и с высокими золотистыми воротниками.

Посредине, прямо напротив меня, восседал высокий худощавый черноволосый мужчина, казавшийся на неопределённый срок старше остальных. Его лицо, с правильными чертами, было мрачно и решительно: губы плотно сжаты, взгляд устремлён вперед, а между бровями залегла суровая складка. В это же время, сидел он идеально ровно, с прямой спиной, и весь вид его, внешне, производил впечатление сильной непоколебимой воли и даже какой-то властности. Но вот только в глазах его, цветом тоже напоминавших сталь, время от времени проскальзывало что-то далеко не стальное: я заметил в них глубокую, почти неприкрытую печаль – словно все тяготы мира вдруг разом навалились на этого человека.

Слева от меня, откинувшись на спинку кресла, развалился молодой светловолосый парень лет двадцати пяти. По сравнению с первым, его лицо, широкое, с узеньким острым подбородком, и ясными голубыми глазами выглядело более мягким, даже добродушным, но одновременно усталым. Его гладкие, светло-русые волосы были, похоже, старательно прилизаны.

Третьим оказался мужчина лет сорока, и ростом немного ниже остальных. Во всём его облике сразу бросалась в глаза невероятная физическая мощь. У него были коротко стриженные тёмно-русые волосы, а черты его лица не были изящны, но поражали присутствием огромной жизненной силы. Густые брови, из-под которых пристально глядели светло-карие глаза, нос с широкими ноздрями, резко выступавшие скулы, и крепкий, массивный подбородок. Под плотно обтянувшей его тело одеждой, отчетливо виднелись бугры могучих мускулов, а из-за ужасающе широких плеч, ещё более усиливавших впечатление от его низкорослости, он казался едва ли не шире кресла, на котором сидел. Но, как ни странно, от него, в отличие, например, от черноволосого, не чувствовалось исходящей угрозы мрачной смертоносной силы, а лишь уверенность и спокойствие.

И тут черноволосый, по видимому заметив, что я открыл глаза, и повернувшись к сидящему справа молодому блондину, произнёс:

– Ну, наконец-то! Наконец-то он очнулся!

Говорил он негромко и чуть хрипло, но при этом немного лениво, словно сквозь силу, хотя в его голосе отчетливо ощущались властные нотки.

– Итак, кто ты? – вдруг неожиданно решительно, и немного сурово спросил он, обратившись ко мне.

Я, в свою очередь, в полном изумлении уставился на него. Что это значит?!

Вопрос меня удивил (это ещё мягко сказано!) и в голове сразу зароились тысячи случайных мыслей. Для начала, я всё же попытался вспомнить, как я здесь оказался. Но ничего не получалось: я помнил, что в тот день была среда, пятнадцатое марта, я пришел из школы очень усталым, после обеда сел немного почитать, потом ненадолго прикрыл глаза, и... и похоже, уснул. А вот проснулся (или очнулся?) я уже здесь.

– Что значит «кто»? Фамилия, имя? – решил уточнить я. – А вы сами кто такие? – я говорил, к своему удивлению, со странным, поразительным спокойствием – словно во время дружеской беседы. А между тем, этот разговор было даже трудно назвать беседой – скорее, допросом! Знать бы ещё, по какому случаю я удостоился внимания этих достопочтенных господ, чёрт бы их побрал!

Мне не отвечали. Затем заговорил коренастый, словно и не замечая моего последнего вопроса:

– Хотя-бы это, для начала – фамилию и имя. Любые личные сведения: кто ты, откуда, чем занимаешься?

«Ну, ладно, – решил я, – расскажем им! Соврать что-ли? Да с какой стати! Скажу, как есть. Может, что-то и прояснится».

– Роман Игоревич Заречный, родился 15-ого января 2002 года, в городе Кургане, – мрачно отчеканил я. – Чем занимаюсь? Да как все, в школу хожу...

Мои последние слова, похоже, сильно удивили всех присутствующих: блондин, и вообще, чуть не подскочил на месте, а коренастый и черноволосый лишь недоуменно переглянулись. Наконец, черноволосый с удивлением переспросил:

– Ходишь в школу? Учишься?! В Кургане?!

– А что такое?! – в свою очередь недоумевал я.

– Да ведь в Кургане и школ нет! – после некоторой паузы шумно возразил молодой блондин.

Интересно. Очень интересно! Что значит «нет школ»?! Что за чушь они вообще несут?

Неожиданно у меня вдруг мелькнула совсем дикая, за гранью фантастики, догадка, и я спросил:

– Какое сейчас число и год? Где мы?

– Сейчас – семнадцатое марта 2017 года, мы – в городе Кургане. Точнее в том, что от него ещё осталось.

Значит, прошло всего два дня. А я-то уже думал, что переместился во времени, да ещё неизвестно куда! Нет, известно – у нас, судя по всему, школ не будет уже лет через двадцать! Фильмов, короче, дурацких пересмотрел. Я ж люблю тупое кино, а русское – в особенности!

Так, стоп. Значит, не во времени. Если и во времени, то всего на два дня – в будущее. Или что – я проспал двое суток? Морфий мне вкололи, или что там вызывает сон, или в еду его подсыпали? А потом... потом привезли сюда. Непонятно кто, и непонятно зачем. Замечательно! Просто замечательно! Ничего не понимаю! Совершенно!

– Ничего не понимаю! – неожиданно тоже возмущился черноволосый. – Кто же он такой?

– А я, кажется, догадываюсь, Рогволд, – ответил коренастый. И вдруг, без паузы, спросил меня:

– Когда закончилась... Великая Отечественная Война?

– Девятого мая 1945 года, – ответил я.

– И кто победил? – снова спросил он, и при этом его лицо приняло какое-то странное выражение.

Я даже удивился – что это он такое понял, и что могут означать эти дурацкие вопросы?! Ну, ладно, не дурацкие, просто бессмысленные.

– Ну, Советский Союз, конечно! – наконец сказал я.

– Забавно, – заговорил коренастый. – И он не похож на сумасшедшего!

– Я думаю, – сказал блондин, – что он не сумасшедший: эти представления ему внушили под гипнозом, и затем отправили к нам. Он – вражеский разведчик, но только и сам об этом сейчас не подозревает.

– И зачем им всё так усложнять?! – недоумевал коренастый.

– А чтобы мы не смогли его раскрыть или, если бы и раскрыли, ничего не смогли бы узнать о его руководстве! – воскликнул блондин.

– И как он тогда выйдет на связь, и передаст полученные сведения своему командованию, если он вообще считает, что война уже давно закончилась?! Скорее всего, сейчас он просто врет, – заметил черноволосый. Хотя я и не могу понять, зачем. Зачем выдумывать такую откровенно неправдоподобную и безумную ложь? Разве что он хочет сойти за сумасшедшего. Вероятно, он просто засланный вражеский шпион. Твоя идея с гипнозом, Мирослав, абсолютно фантастическая... Хотя, надо признать, никаких средств связи или записывающих устройств, как и оружия, мы у него действительно не обнаружили, хотя и проверяли весьма тщательно – задумчиво добавил он, после недолгого молчания. – Впрочем, было бы наивно полагать, что он возьмёт их с собой, отправляясь к нам.

– Вот что, – вмешался коренастый, – врёт он, или нет – это мы легко можем проверить! Но думаю, что он и сам верит в то, что говорит. Насколько нам известно, нацистам до сих пор не удалось получить хотя бы какую-то достоверную и подробную информацию о нас или нашей работе, не говоря уже о местоположении наших штабов или убежищ. Поэтому было бы странно предполагать, что они всё-таки решат в таких условиях направить к нам шпиона, да ещё пятнадцатилетнего.

– Вот как? – переспросил черноволосый, и замолчал, с неприкрытым изумлением уставившись на коренастого. – Ну хорошо, Громобой, – наконец, после долгой напряжённой паузы заговорил черноволосый, которого коренастый называл Рогволдом. – Тогда иди, принеси всё, что нужно!

– Я ему помогу! – вызвался блондин.

– Хорошо, иди и ты, Мирослав, – согласился Рогволд.

Громобой и Мирослав вышли, а я задумался: теперь я знал имена всех троих, но это мне ни о чем не говорило. Имена были странные, но, вроде-как, похожи на древнерусские. Что они, какая-то новая секта идолопоклонников-язычников-каннибалов?! И я им нужен для каких-нибудь очередных обрядов? Всю жизнь мечтал быть принесённым в жертву Перуну!

Рогволд продолжал сидеть всё так же прямо, и пристально смотрел на меня.

– Кто вы такие? – опять спросил я, но тот по-прежнему молчал.

Наконец, вернулись Громобой и Мирослав, с трудом неся с собой какие-то громоздкие приборы. И вид их, как ни странно, подействовал на меня успокаивающе. Они поставили посреди комнаты какое-то устройство, похожее на огромный чёрный ящик. Затем Мирослав одел мне на голову металлический круглый шлем, провода от которого тянулись к этому ящику. Потом Громобой разложил вокруг, по комнате ещё какие-то загадочные приборы, тоже соединил их короткими проводами (или чем-то на них похожим), превратив в какое-то подобие замкнутой цепи. Затем, все трое оживлённо столпились возле чёрного ящика – кажется, главного из всех этих устройств. Рогволд склонился над ним, что-то подкрутил, на что-то нажал, и вдруг из того раздался низкий и протяжный, но не очень громкий гул.

– Начали! – громко объявил Рогволд. – Как тебя зовут? – сначала, снова спросил он у меня.

– Роман Заречный, – с усиливающимся раздражением ответил я.

Некоторое время они прислушивались к гудению прибора, которое вдруг неожиданно изменилось – звук превратился в тонкое и пронзительное жужжание. Переглянувшись сначала с остальными, Рогволд объявил им:

– Всё в порядке – мальчик не лжёт, – и затем снова обратился ко мне:

– В какой стране ты родился, и кто ты по национальности?

– В России, русский, – отозвался я. Рогволд опять прислушался к звуку, издаваемому прибором, который вновь изменился так же, как в первый раз.

– Тебе известно, кто такой Ганс Заллер? – заговорил Рогволд.

– Нет, – ответил я удивлённо, – я... я ничего про него не знаю.

– Кто победил во Второй Мировой Войне? – вдруг вмешался Громобой, и все трое стали внимательно наблюдать за выражением моего лица. Они глядели так пристально и настороженно, словно опасались, что я прямо сейчас брошусь на них.

– СССР и союзники – ну там США, Англия, – после небольшой паузы ответил я.

Рогволд склонился к одному прибору, затем подошёл к другому, поковырялся в нём, и наконец, после недолгого молчания, медленно и тревожно сообщил:

– Он действительно считает, что говорит правду.

– Да чё это такое вообще? – не выдержал я. – Что это за штуки? Со мной кто-нибудь здесь вообще будет разговаривать, или нет?

– Эти «штуки», как ты выражаешься – особое устройство, позволяющее отслеживать активность твоего мозга, и благодаря этому узнавать, например, насколько правдивы твои ответы, а также достаточно достоверно оценивать твоё психоэмоциональное состояние, понимаешь? – за всех ответил Громобой (впервые мне здесь кто-то что-то объяснил!)

– Типа, детектора лжи? – догадался я.

– Можно сказать и так, но принцип его работы довольно сильно отличается – наши технологии позволяют непосредственно изучать импульсы твоего головного мозга, а не показатели физиологического состояния, что весьма повышает точность и достоверность показаний прибора.

«Интересно», – подумал я, – «откуда же у них взялся такой приборчик? Похоже, они всё же не сектанты, но вот тогда кто?!»

– Ты сотрудничаешь с нацистским режимом? – прервал мои размышления голос Рогволда.

Я с удивлением посмотрел на него. Какой еще режим? Что-то они такое говорили про фашистов...

– Ты помогаешь Германии? – снова спросил он.

– Да нет же! – недоуменно ответил я.

Они что, совсем помешались на этой войне? Причем здесь Германия?

Неожиданно Громобой сказал:

– Я думаю, можем закончить проверку – Рома не соврал ни разу.

– Если только шпионы не научились «обманывать» наши технические устройства, о существовании и устройстве которых они не подозревают вообще. И да, – добавил Рогволд, – нам от этого не легче. – Он выключил все приборы, снял с меня шлем, и попросил:

– Расскажи немного о себе, русский, пятнадцатилетний школьник, Роман Игоревич. Кто ты такой, на самом деле?

Тут мне это надоело.

– Ладно! Всегда, пожалуйста! Но может, сначала вы? Да мне уже надоели эти дурацкие вопросы! Зачем я вам нужен? Зачем вы спрашивали меня про эту чёртову Германию?

– Значит, ты думаешь, она проиграла войну? – вцепился в мою последнюю фразу Рогволд.

– В некотором смысле, так и есть, – тихо заметил Громобой.

– Но он не об этом говорит! – резко возразил Рогволд. – Мне кажется, он все-таки... не совсем в порядке.

– А может это мы, – отвечал Громобой так же тихо, и с какой-то тонкой, еле заметной грустью- не совсем в порядке?

– Может быть, – устало согласился Рогволд, и тоже погрузнев.

– Да он нормальный, я же вижу! – заговорил Мирослав, – Разве не так? Приборы ведь тоже не обнаружили никаких отклонений в психоэмоциональном состоянии.

– Может, тогда ответим на его вопросы? – предложил Громобой.

– Может быть, – с каменным лицом ответил Рогволд. – И не забудь предоставить ему всю нашу документацию, наши секретные шифры, планы, убежища и список агентов и осведомителей, Громобой, – добавил он, и в его голосе явственно слышался металл.

– Хорошо, – предельно спокойно ответил Громобой, – давай расстреляем мальчишку на месте, за шпионаж в пользу Германии. Или ты предпочитаешь убивать голыми руками?

Сердце застучало в ушах. Меня полностью парализовало на несколько часов.

Через несколько мгновений Рогволд отрезал:

– Делай что хочешь! Меня это совершенно не волнует.

– Я поддерживаю! – воскликнул Мирослав.

– Хорошо, – кивнул Рогволд, – осторожность, как всегда, в меньшинстве. Что ты хочешь знать? – резко спросил он, неожиданно повернувшись ко мне.

Дыхание восстановилось. Я на минуту задумался, а потом, дрожащим голосом, торопясь и сбиваясь, затараторил:

– Кто вы? Зачем я вам нужен? Как я сюда попал? Причем здесь Германия и этот... Заллер?

– Я отвечу на твой последний вопрос, касающийся Германии. Думаю, это сможет объяснить тебе и остальное, – мягко заговорил Громобой. Мы действительно не знаем, почему ты думаешь по-другому, но во Второй Мировой войне, фактически, победила именно Германия.

Я пораженно смотрел на него, а потом взорвался от возмущения:

– Да как вы можете! Как вы вообще смеете такое говорить! Да вы точно психи! Придурки! Сволочи! Какая Германия?! Да ведь любой... да спросите у кого угодно – вам все скажут, что это неправда! – разгневанно вопил я.

– Тише, – остановил меня Рогволд. – Я понимаю, тебе трудно в это поверить.

– Конечно! Потому – что это всё полная... полная чушь, что вы здесь сказали! Вы сами – фашисты поганые, раз такое говорите! Я не вам не сдамся, сволочи! Выпустите меня отсюда! Немедленно! Я не собираюсь вас здесь выслушивать! – кричал я с неподдельной злостью, не испытывая в этот момент никакого страха, а лишь убежденность в своей правоте. – Что вы сделали? Как я здесь? Что... что с моими родителями? Выпустите меня!!!

Неожиданно, Рогволд кивнул:

– Громобой, принеси ему тёплую одежду!

– Чего ты добиваешься? – мрачно спросил у него Мирослав.

– Не стоит это делать, Рогволд, – поддержал его Громобой. – Для мальчика будет слишком тяжело увидеть всё это, особенно если он действительно думает, что город уцелел.

– Нам не предоставили выбора, – печально, но твёрдо возразил Рогволд. – Если мальчик действительно... действительно так считает, нам придётся показать ему правду, и как можно скорее.

«Только-бы отпустили меня отсюда!» – думал я. – «Дальше уж как-нибудь разберусь. Господи, вот психи! Ну, ничего, всё будет нормально – сразу позвоню в полицию, телефон у кого-нибудь попрошу... Стоп, а если мы вообще где-нибудь в лесу? Ну, ничего, главное – от них сбежать, а там, как говорится, будь что будет!» И в то же время, у меня мелькнуло какое-то, ещё не до конца осознаваемое сомнение.

Громобой ненадолго вышел, и вернулся, неся синюю зимнюю куртку и высокие ботинки. Ах, да, на мне ведь только домашняя одежда, а на улице холодно. Я поспешно оделся, накинул на голову капюшон, и Рогволд сказал:

– Идём!

Он распахнул металлическую дверь, ведущую из помещения, и мы вышли в длинный, полутёмный коридор с каменными стенами. В дальнем его конце находилась невысокая лестница. Мы поднялись, и Рогволд стал отпирать сначала первую, а затем вторую дверь – обе были толстые, похоже, бронированные, и со сложными замками (интересно, зачем им, «нормальным» людям скрываться в таком сейфе?!). Наконец, мы оказались в каком-то грязном, темном подвале – лишь сквозь широкие щели в потолке сюда пробивался тусклый солнечный свет, да ещё и заваленном грудями мусора. Рогволд, идя впереди, терпеливо расчищал дорогу, каждое мгновение, спотыкаясь, и с трудом балансируя на вершинах этой грандиозной свалки. Наконец, мы таким чудесным образом добрались и до противоположной стены, в которой оказалась низкая, потемневшая и полусгнившая деревянная дверь. Рогволд легонько отворил её и сказал мне:

– Иди!

Я сделал шаг наружу. И вначале на мгновение ослеп – мелькавшее сквозь прорехи в грязно-серых тучах, солнце всё равно казалось слишком ярким, после этих полутёмных казематов. Когда глаза привыкли, я неторопливо поднялся по выщербленным каменным ступенькам, и огляделся вокруг. Всё было занесено снегом, и я долго не мог понять, где нахожусь. Было похоже, что мы на какой-то площади – так много было пустого пространства. Фактически, кроме этого самого пространства здесь и не было больше ничего. Метрах в тридцати перед собой, я видел длинное здание со множеством окон – всё оно насквозь выгорело от пожара, крыша в некоторых местах обвалилась, а в стенах обнажились зияющие дыры. Невдалеке, справа, стояли ещё две постройке – похоже, обыкновенных жилых дома, превращённых какой-то неведомой силой в беспорядочную грудю обломков, и разрушенных почти до самого основания. В одном доме какая-то из стен чудом уцелела, продолжая одиноко возвышаться над окружившими её обезображенными руинами, примерно до уровня третьего этажа. И сквозь оставшиеся в ней пустые проёмы окон и огромную дыру в кирпичной кладке можно было без труда видеть всё до самой линии горизонта. Я в молчаливом недоумении взглянул на это и, охваченный нескрываемым ужасом повернулся обратно – за первым зданием я вдруг различил вдалеке длинные металлические полосы, тянувшиеся в обе стороны, до самого горизонта – похоже, обычные железнодорожные рельсы. Я обернулся назад, к подвалу, из которого только-что вышел – и увидел над ним то-же самое: те-же стены, едва поднимавшиеся до второго этажа, с многочисленными проломами, сквозь которые были видны внутренние балки и перекрытия – обгорелые, взорванные, и чудом уцелевшие, в щелях и трещинах. Посреди всей этой разрухи нелепо торчала лестница, верхний конец которой вёл прямоком в небо, взамен гипотетического третьего этажа.

И тут, совсем рядом, я заметил невысокую старинную башню из красного кирпича – это была старая пожарная вышка, стоящая на нашем железнодорожном вокзале, которую я хорошо помнил. Она сохранилась превосходно, и я, ориентируясь по ней, довольно легко распознал окружающие очертания. Удивительно, но в тот момент у меня не мелькнуло даже мысли, что это тоже могло быть случайностью или подстроено намеренно, чтобы обмануть меня. Кому и зачем это могло понадобиться?!

Нет, у меня не оставалось сомнений – я действительно был в своём родном городе, но только превращённом в руины. Но вот когда, кем и как? Пока приходилось верить этим троим... .. как бы их назвать, утверждавшим, что наш город захвачен и разрушен фашистами. Но как? Как?! Как это могло произойти – невероятное, безумное, невозможное – как эти пол-

чища средневековых хищников, безумных монстров, смогли добиться своего? Тягучее отчаяние охватило меня – я не знал ответов.

Я медленно развернулся, и зашел внутрь. Затем подошел к стене, выбрав место почище, и сел прямо на пыльный пол, зажмурил глаза. Я всё ещё не мог поверить, но не мог и сомневаться: это была ужасная, безнадежная правда. Я опустил голову на колени, и закрыл её руками, но не мог закрыться от ужасной картины разрушенного города, снова и снова встающей перед глазами...

Я не помнил, сколько сидел так. Меня то накрывала тяжелая тоска, и хотелось чуть ли не выть от безысходности, то охватывало отчаяние, убивавшее все мысли, и слепой, горячей болью, отдававшееся во всем теле. Эта невыносимая тяжесть неожиданной утраты всего, во что я верил, что знал, давила меня, и не было сил даже поднять голову или открыть глаза.

Я обреченно понимал, что это всё не было ложью, или сном – это была страшная, нестерпимая правда, которую я просто не мог выдержать. Того настоящего мира, который я знал с самого рождения, больше не было! Неожиданно до меня дошло и ещё одно – если всё так... значит... значит больше нет никого: нет моих друзей, нет родных, нет ни одного человека, которого бы я знал, и с которым бы меня что-то связывало. Даже мои родители... ещё не родились, и не родятся никогда. Никого из всех этих людей просто не существовало!

Я не знал, где взять силы, как жить дальше?! И зачем... Я снова и снова спрашивал, но не находил ответа. И снова, вслед за острым, жгучим отчаянием, наваливалась тяжелая тоска...

Рядом я услышал чьи-то шаги. Где-то далеко-далеко в мозгу промелькнула мысль, что Рогволд вроде бы ушёл, и это, значит, кто-то другой. Но это меня не интересовало. Я чувствовал, что становится тяжело дышать. Хотелось плакать, но просто не было сил. Меня опять охватило отчаяние. В этот момент я смог поднять голову, открыл глаза, и увидел – передо мной стоит Громобой.

– Зачем? Зачем я здесь? Как это случилось? Почему? – говорить было тяжело, но молчать – совсем невыносимо, и я снова и снова отчаянно повторял свои вопросы, даже не стремясь получить ответ.

Неожиданно Громобой сам спросил у меня с какой-то надеждой:

– Ты ведь... ты не отсюда, верно?

– Что?! – с недоумением переспросил я.

– Ты ведь знаешь, как может быть по-другому? Германия проиграла войну в 45-ом?

– Да, да, конечно!

– У вас, в СССР – коммунизм, мир во всём мире, строятся космические колонии на Луне и Марсе...

– Нет, – прервал я его. – У нас больше не Советский Союз.

– Что?! – переспросил Громобой. – А впрочем, не важно. Главное – вам удалось победить.

– Да, – кивнул я.

– Хорошо. Мы уничтожим нацизм, – твёрдо объявил Громобой. – Народы всей земли обретут свободу. Ты научишь нас, как это сделать, кто бы, и откуда ты ни был.

– Ещё можно... ещё можно что-то сделать? – с трудом спросил я. – Но как... как это случилось? Кто вы? Я должен знать.

– Ты прав! Мы постараемся объяснить всё, что сможем. Но мы тоже практически ничего не знаем про тебя.

Я кивнул.

– Вставай! – Громобой протянул руку. – Нам надо идти. Все ждут тебя!

Я схватился за его руку, и он, почти без усилий поднял меня на ноги. Затем мы, вновь карабкаясь по завалам мусора, добрались до стальных дверей, за которыми начинался наш соб-

ственный уютный склеп. Дождавшись, пока Громобой столь-же тщательно запрет за нами все замки, я медленно, почти не различая дороги, побрёл вслед за его широкой спиной по полутёмному коридору, ведущему к той самой комнате, в которой я, так некстати, впервые очнулся. Рогволд и Мирослав уже сидели на своих креслах, и я тоже занял свое место, и снова прикрыл глаза. Я ощущал себя разбитым и измученным, от пережитого потрясения. Не хотелось ни думать, ни говорить. Словно по уговору, все трое, похоже, не решаясь тревожить меня, тоже молчали, застыв в терпеливом ожидании.

– Еще можно что-то изменить? – наконец тихо спросил я. – Вы ведь так сказали?!

– Да, – ответил Рогволд. – Вероятно, да.

– Зачем я вам нужен? – снова спросил я. Отчаяние отступило, и теперь я испытывал лишь безразличие, и вяло спрашивал, и так же равнодушно выслушивал ответ. – Как я здесь оказался.

– Давай расскажу я, – предложил Громобой, ни к кому конкретно не обращаясь, и начал:

– Позавчера, примерно около 20 часов, у меня была назначена общая встреча с представителями городского подполья и командирами одного из местных партизанских отрядов. Возвращаясь с неё, я чуть не наткнулся на один из немецких патрулей, который зачем-то находился в этой части города. Чтобы переждать, я укрылся в одном из заброшенных домов. В этой полуразрушенной, занесённой снегом избе, посреди опустевших комнат с разбитой, перевернутой мебелью... посреди них, на покрытом тонким слоем снега полу, я и нашёл тебя.

Я, от удивления, даже приоткрыл глаза – это уже было интересно! Как же я мог оказаться там?!

А Громобой продолжал:

– Сам этот дом находился посреди старого пепелища, и уцелел только чудом. И обнаружить там человека – это было просто невероятно! Потом я обнаружил, что ты ещё жив – вначале я почти не сомневался в обратном. Но твоё состояние было очень тревожным: пульс и дыхание были слабыми и неровными. Ты, по-видимому, оказался без сознания и замерзал, хотя никаких других повреждений я не обнаружил. Я сразу же начал оказывать тебе первую помощь и, как можно скорее, постарался перенести тебя сюда, в наше убежище. Здесь я убедился, что твоей жизни больше ничего не угрожает, но ты не приходил в сознание, и я ничего про тебя не знал. Тогда я сразу же связался с Рогволдом и Мирославом – они оба работали неподалёку, и попросил их добраться сюда. После этого мы ещё раз посоветовались, и стали дожидаться, когда ты придёшь в сознание.

Громобой замолчал. Я никак не мог представить, что всё это действительно происходило со мной.

– А что с людьми? – наконец спросил я первое, что пришло в голову.

– Какими?

– Которые жили в городе. Ты говоришь, это... город заброшен, везде руины... Что случилось? Что с людьми?

– Многие погибли. В Кургане, в июле 1993-его года вспыхнуло крупное восстание, распространившееся почти на весь регион Урала. Для его подавления была вызвана авиация и артиллерия. После обстрелов и усиленных бомбардировок, длившихся четыре дня, в полуразрушенном городе, посреди дымящихся руин, начались уличные бои. Отряды повстанцев отважно сражались, но были обречены с самого начала. Позже, некоторым удалось бежать, остальные погибли. От прежнего города не уцелело почти ничего. Выживших жителей загнали в гетто, на другой стороне реки, оставив здесь лишь небольшой гарнизон солдат, сосредоточенный возле зданий комендатуры и нового вокзала.

– Но как фашисты вообще смогли победить? – мрачно спросил я.

– Новое оружие массового поражения. Атомные бомбы. Тебе известно, что это такое? – неожиданно вмешался Рогволд.

Я кивнул. И тут же едва сдержался, чтобы не застонать от отчаяния – я понимал, что это могло значить. Это действительно могло объяснить всё. Но лучше, честное слово, пребывать в неведении...

– Когда Красная армия уже выходила к границам СССР, готовясь окончательно изгнать германские войска с его территории, а правительства США и Великобритании всерьёз планировали открытие «второго фронта» в Западной Европе, в этот момент нацисты и нанесли свой удар, дьявольский, по своему коварству и жестокости.

В строжайшей секретности, под пристальным наблюдением самого фюрера, в Германии, в кратчайшие сроки сумели создать атомное оружие. В феврале 1944-ого года атомные бомбы были сброшены на войска и крупные города, в первую очередь, Советского Союза, но также Соединённых Штатов и Великобритании, – Рогволд говорил ровно, а его лицо не отражало никаких эмоций, и лишь по мучительному отчаянию, мелькавшему в его глазах, я понимал, с какими невероятными усилиями ему это удастся. – После этого, нацистские государства, отныне объявившие себя империями, разделили все захваченные земли между собой: Германия завладела всей Европой, Южной и Северной Америками и большей частью территории Советского Союза. Её союзница, Япония – всю Азию, часть РСФСР – главным образом, Восточную Сибирь и Дальний Восток, и бассейн Тихого океана, включая все архипелаги и острова, кроме, непосредственно, побережья Америки.

– Что дальше?

– Ничего. Конец света. Сотни миллионов погибли, сотни миллионов гниют заживо в рабстве, томятся в тюрьмах и концлагерях. Людей истребляют из-за языка и фамилии, цвета кожи и глаз, формы носа и черепа, за убеждения или их отсутствие, за действия или бездействие, из-за страха, или чтобы удерживать в нём других... Человеческие жизнь и смерть, мера страданий и боли больше ничего не значат. Чёрная империя, воздвигнутая на стали и крови простирает свою власть над землёй и океаном. Любые попытки восстать оканчивались неудачами и новой кровью. Потоки крови заливают Землю.

Я горестно молчал, опустив голову.

– Выжившие коммунисты, солдаты и командиры Красной Армии в России массово уходили в подполье, бежали, надеясь укрыться и переждать, создавали партизанские отряды или пытались поднять восстания. Но и им пока не удаётся ничего сделать. Подполье живо, но его сил сейчас хватает лишь на то, чтобы продлевать собственное существование. Одиночные уколы безопасны для имперской военной машины.

– И что делать? – требовательно спросил я.

– Мы обдумывали сложившееся положение, и приняли решение, что единственным выходом будет начать всеобщее восстание, которое может дать хоть какую-то надежду на успех, – заговорил Громобой

– Но получается, фашисты победили везде? А если и это восстание окажется неудачным – погибнет последняя надежда? Что тогда делать?

– У нас есть силы, способные первыми вступить в борьбу, и поднять народы на всеобщее восстание. После атомных бомбардировок нам удалось практически сразу взять под контроль Африку, Индию и Австралию, – заявил Громобой. – И мы уверенно удерживаем эти территории: Индию защищают Гималайские горы, до Австралии и вовсе непросто добраться, а вот в Африке нацистам ещё в 1944 удалось завладеть почти всем побережьем. И после этого они не оставляют попыток продвинуться на юг.

– Как вам всё это удалось? – почти обрадовано спросил я.

– Мы немедленно вышли на контакт с местными властями. До этого, практически все страны были насильно захвачены европейскими государствами, в основном, Великобританией, и превращены в колонии, а их коренное население находилось на положении рабов. Мы потребовали от администрации колоний немедленно провести в них демократические реформы,

с предоставлением основных гражданских прав всем жителям, пообещав взамен военную помощь. В противном случае, их бы легко захватила Германия.

– И они согласились? – не поверил я.

– Да. Хотя, некоторые всё же и считали, что для них лучше сдать нацистам, чем делиться властью, – и Рогволд невесело усмехнулся. – Однако, мы не предоставили им этой возможности. Мы помогли новым, избранным народом правительствам, создать атомное оружие, чтобы удержать Германию от возможного нападения, а также помогли сформировать новые объединённые вооружённые силы Сопротивления, ставшие грозной силой для защиты свободы, а также превратили все территории независимых республик в плацдарм для борьбы с нацизмом. Там находятся и несколько наших баз, но самая главная из них надёжно укрыта от любопытных глаз, среди вечных льдов Антарктиды...

– Да кто вы такие? – спросил я. То, что я услышал сейчас, меня немного утешило, если в такой ситуации вообще может найтись что-то утешительное. Но с другой стороны, становилось ещё непонятнее, кто же эти люди, которые могут без проблем читать мои мысли, изобретать атомные бомбы и проводить для негров демократические выборы. Очень интересно!

Услышав мой вопрос, все трое переглянулись.

– Это долгая история, – заметил Рогволд. —Мне придётся начать с момента освоения космоса.

– А его уже освоили? – глупо спросил я. – Как?! В смысле, здесь же война...

– Миллионы лет назад, – просто ответил Рогволд. – В глубокой древности наш народ, а точнее, народы, обитали только в центре Вселенной, далеко-далеко отсюда. В какой-то момент, когда наша наука достигла высокого уровня, а население увеличилось, и впервые возникли проблемы недостатка ресурсов, началась Первая Волна Колонизации – тысячи звёздных путешественников ринулись на освоение космических просторов. После этого были ещё восемь таких волн, при этом ваша планета была открыта и заселена во время одной из самых масштабных – Третьей Волны. В первую очередь мы искали планеты, с комфортным климатом, наличием воды, атмосферы и разнообразными природными ресурсами. И надо сказать, ваша планета подходила практически идеально.

«Неплохо, – думал я, – очень неплохо! Зелёные человечки. Только, почему-то, не зелёные. Понятно, прикидываются людьми. Вот, и меня выкрали.»

– Мы, то есть, наши предки, назвали её Мидгардом – Срединным Миром, отмечая её изумительные условия и удобное расположение по отношению к важнейшим космическим трассам.

– Викинги, – тихо подсказал я. – Это они так называли...

– Нет, – поправил меня Рогволд. – В действительности, это они позаимствовали наше древнее название, чудом сохранившееся в их преданиях.

– Хорошо, – кивнул я. – Пусть будет так.

И тут заметил, что Громобой просто и откровенно ржёт в сторонке.

– Мы мирно жили на этой планете, осваивая и обустривая её, на протяжении многих веков. Мы были единым народом, наши знания помогали нам смело двигаться в будущее, а возможности становились практически безграничными, – продолжал Рогволд, но тут его лицо помрачнело. – На планету обрушилась ужасная катастрофа. Ваша память не смогла сохранить её подробности, и у вас остались лишь смутные предания об этом страшном событии.

Мудрость предков позволила им предвидеть бедствие, и они были вынуждены покинуть свою прародину – древний материк Атлантиду, и переселиться на другие территории Мидгарда. Это помогло избежать огромнейших человеческих жертв, но последствия всё равно оказались ужасными – из-за падения гигантских метеоритов вся планета сильно пострадала – были выжжены леса и разрушены города на огромных территориях, но это было лишь началом. Сама стабильность Мидгарда оказалось нарушена, что привело к сильному сдвигу мате-

риковых плит, а это вызвало новые, ужасные бедствия: Атлантида, и многие другие участки суши навсегда оказались под водой, повсюду происходили сотни землетрясений и извержения новых вулканов, а климат на всем Мидгарде резко изменился. Тогда же, в течение короткого промежутка времени несколько раз происходила так называемая магнитная «переполусовка». Из-за всего этого было принято решение немедленно эвакуировать людей с этой планеты, превратившейся в подобие настоящего ада. К несчастью, перевезти удалось не всех – в тот момент сотни и даже тысячи людей нашли укрытие в заранее подготовленных убежищах, и найти их, в спешке эвакуации, не удалось. Так, связь между нами, и вами, их потомками была потеряна. По странному и трагическому стечению обстоятельств, от единого Человечества откололся целый народ, обретя особую, совершенно отличную от нас историю. Лишь спустя тысячи лет мы вновь оказались на этой планете, но обнаружили её снова заселённой... Так мы впервые встретили вас.

– То есть, мы... мы тоже инопланетяне? – уточнил я.

– Безусловно! Мы с вами – один народ, и мы все для этой планеты космические пришельцы.

– Понятно, – кивнул я. – Бывает!

После затянувшейся паузы, я спросил:

– А почему вы так долго ждали – несколько тысяч лет?!

– Сначала мы считали, что условия на планете всё ещё непригодны для жизни или, хотя-бы, не очень благоприятны. И мы выжидали, пока это изменится. Но так как на Мидгарде не осталось наших наблюдателей, то мы не могли точно знать, когда это произойдет. А позже мы уже практически и забыли об этой, некогда столь гостеприимной планете. Лишь во время Пятой Волны Колонизации, когда один из разведывательных кораблей случайно оказался в вашей Солнечной системе с серьёзными повреждениями, его экипаж решил высадиться для починки на... теперь уже на вашей планете, Земле, отмеченной во всех справочниках как необитаемая. Но они обнаружили здесь разумных существ, внешне поразительно похожих на них. Правда, они всё ещё находились на неизмеримо более низкой ступени развития – на неё их отбросила та самая планетарная катастрофа, но это были люди, без всякого сомнения!

И тогда мы решили не вмешиваться – возможно, это было... было большой глупостью. Мы улетели, предоставив вас самим себе, дав возможность заново повторять все наши прежние ошибки, и даже совершать новые, надеясь, что вы станете извлекать из них уроки... И лишь через много лет была подготовлена первая группа профессиональных «разведчиков», которые должны были пристально наблюдать за вами, никак не вмешиваясь, и ничем не выдавая себя – это стало главным правилом. Мы, как я думаю, ты уже понял, одни из них. Наша численность всё время неуклонно возрастала, и сейчас составляет... больше ста тысяч, по всей планете. Позже, «разведчики» добились разрешения, путём осторожных, продуманных мер, ускорить ваше движение к прогрессу. Возможно, мы и здесь оказались слишком нерешительны, а временами и непоследовательны... И это всё наша вина.

– А если вы инопланетяне, то почему... говорите не на ваших там каких-нибудь языках? В смысле, весь космос... русскоговорящий что-ли? – вдруг заинтересовался я. Все сказанное Рогволдом назойливо не желало укладываться в голове, так что этот вопрос был лишь способом как то перевести собственное внимание на другую тему.

– Безусловно, нет! – довольно резко ответил Рогволд. Громобой снова ухмыльнулся, но тут же закрыл лицо рукой, отвернув его в сторону. – Дело в том, – вещал Рогволд, – что первая группа «разведчиков» высадилась именно на территории, населённой славянскими или, вернее, праславянскими племенами. Часть этих территорий позже оказалась в составе и российского государства. Высадившись там, – продолжал Рогволд, – мы сразу же приступили к осуществлению своей основной задачи, поставленной перед нами – наблюдению за вами, и изучению вашего языка, культуры и быта. Так и получилось, что первым изученным нами

языком Земли оказался именно древнеславянский, и мы оказались вынуждены, в течение долгого времени живя среди вас, использовать именно его. Мы часто стали использовать его даже при общении друг с другом. Позже, когда мы изучили и другие языки, использование древнеславянского уже стало традицией для нашей организации, и он был объявлен нашим официальным рабочим языком.

Но мы продолжали на протяжении веков наблюдать за изменениями, происходящими в грамматическом и лексическом устройстве языка, чутко реагируя на них, и внося изменения и в свои программы для обучения новых «разведчиков». Нам также несколько раз приходилось делать выбор между родственными ветвями языка, на которые неуклонно распадалось единый древнеславянский язык. Так, по различным, в том числе и политическим причинам, мы сначала выбрали язык восточных славян, а когда стал разделяться и он – сделали выбор в пользу так называемого великорусского наречия, которое стало превращаться в современный русский язык.

«Неплохо! – подумал я. – На пустячный вопрос закатывать такую лекцию. Вот бы я мог также!» Но приходилось потерпеть – нужно было узнать и ещё кое-что.

– А что вы вообще делаете? – спросил я.

Рогволд замолчал. Помолчал, ещё помолчал, и начал:

– Наблюдение, сбор информации, передача информации руководству, обнаружение и предотвращение наиболее серьёзных глобальных угроз. К сожалению, это не помогло предотвратить ни приход Адольфа Гитлера к власти, ни начало Второй Мировой войны, ни атомную бомбардировку мирных городов.

– Вот тебе и предотвращение глобальных угроз! – вдруг вмешался Громобой.

– Мы убили Гитлера! – поморщившись, парировал Рогволд.

– После того, как он добился всего, о чём не смел и мечтать, и создал нацистскую империю, подмявшую под себя полмира. Мы, как всегда, невероятно оперативны!

– Как вы смогли убить Гитлера? И кто тогда правит Германией? – спросил я.

– Помимо того, что наши люди находятся в каждой стране, регионе, и даже практически в каждом населённом пункте, «разведчики» смогли проникнуть практически во все крупные и влиятельные организации планеты и добиться в них ключевых ответственных постов. Естественно, множество и в нацистском руководстве и в окружении фюрера. И когда мы приняли решение, что идеология нацизма – это безусловное зло, угрожающее самому существованию человечеству, и решили всеми средствами бороться с ним, нам не составило труда ликвидировать и самого фюрера, а теперь уже императора Великой Германской Империи. Мы надеялись, что это подтолкнёт угнетённые народы к началу восстания, но этого не произошло. А точнее, бунты действительно начались, и даже в самой Германии, но были довольно быстро подавлены, а императором стал его сын, Фридрих I Гитлер, родившийся уже после победы Германии. Сейчас это уже старый и дряхлый старик...

– ...намертво вцепившийся во власть костлявыми руками, – мрачно добавил Громобой. – Полумёртвая поганая сволочь, продолжающая обрекать на смерть других!

– Тихо, Гром! – попросил Рогволд устало.

– Тоже понятно, – кивнул я.

– А мне непонятно, – вставил Громобой, – что нам с тобой делать, а, Ромыч? И кто ты вообще такой?

– Давайте решать быстрее! – воскликнул Мирослав. – Мы здесь уже полдня сидим!

– И просидим ещё столько же! – отрезал Рогволд.

– Да почему сразу «столько же»? Сейчас перевозим его на нашу базу, где-нибудь в Австралии или Индии, вызываем наблюдателей от Верховного Совета, и пускай они разбираются! – предложил Мирослав.

- А если он сбежит по дороге? – спросил Рогволд.
- С какой стати нам понадобился этот Верховный Совет? Мы что, не сможем разобраться сами? – вмешался Громобой.
- Попробуй! – предложил Рогволд.
- Давайте подумаем! Итак, во-первых, некий психически нормальный человек утверждает, что война закончилась поражением нацистов. О чём это говорит?
- Что так оно и есть, – с серьёзным лицом сказал Мирослав.
- Ты прав, Славик. Абсолютно точно.
- Знать, это мы лишились рассудка, Громобой? – язвительно спросил Рогволд.
- Отнюдь нет. Посмотри на его одежду! Посмотри на Ромину одежду!
- И что такого?! – недоумевал Рогволд.
- Да вы даже не обратили на это внимания! – воскликнул Громобой.
- Такую одежду не делают здесь! – догадался Мирослав.
- Да, – кивнул Громобой. – Именно так. Но её не делают и у нас. И тем не менее, это уровень современных технологий Земли, возможно, немного выше.
- И что это значит? – озадаченно спросил Рогволд.
- Вы заметили, – продолжал Громобой, – что его речь определённым образом отличается от речи жителей современной России, хотя при этом в ней совсем не чувствуется иностранного акцента? Это, безусловно, речь русского человека, каким Рома и является.
- Верно! – кивнул Мирослав.
- Но только это не та Россия, которую мы с вами знаем, вот в чём дело, – сказал Громобой.
- И что это значит? – снова спросил Рогволд.
- Подожди! – прервал его Громобой. – В каком году и в правлении какого князя произошло крещение Руси? – неожиданно спросил у меня Рогволд.
- Год – не помню, а крестил, вроде-бы, Владимир Красное Солнышко! – ответил я.
- Сколько королей Людовиков было на французском престоле? – продолжил свой допрос Громобой.
- А чёрт их знает!
- Хорошо. В каком году началась Первая Мировая война, а в каком – Вторая?
- Вторая – в 1939-ом, а Первая... в 1914-ом, точно!
- Что ты, коротко, можешь рассказать о «панфиловцах»?
- Их было 28, отряд, они в 41-ом немецкие танки к Москве не пустили, и все погибли, вот!
- Итак, – произнёс Громобой, – мы можем предположить, что история человечества в Роминых представлениях полностью совпадает... «с нашей», вплоть до 44-ого года. Что же это означает? Ну?
- Рогволд лишь пожал плечами.
- Роман – пришелец из параллельного мира! – торжественно объявил Громобой.
- Рогволд, тонко усмехнувшись, зааплодировал, а Мирослав остался неподвижен и не произнёс ни слова, но продолжал не отрываясь глядеть на Громобоя.
- Других объяснений этому я не вижу, – тихо добавил Громобой. Ты помнишь теорию Гула-Ил-Азги?
- Импульсная транспортировка? – переспросил Рогволд.
- Да.
- Но ведь никому ещё не удавалось её подтвердить?
- Не удавалось и опровергнуть!
- Домыслы, опирающиеся на мифы! Нам сначала пришлось бы доказать возможность появления «вилок» или «перекрёстков», о которых говорил Святозар...
- Живое доказательство этой теории ты можешь видеть перед собой, Рогволд!

– Хорошо, предположим, твоё предположение... – осторожно начал Рогволд.

– Предположительно верно! – закончил за него Громобой. – Давай, сразу к делу.

– Итак, – недовольно заговорил Рогволд, – мы должны разобраться, что вызвало данный процесс.

– Это могло, при определённых условиях, произойти случайно, не так ли? – вмешался Мирослав.

– Верно, – кивнул Громобой. – Всё именно так. Видишь, Рогволд, всё объяснимо!

– Кроме одного, – тихо заговорил Мирослав. – Как ему вернуться обратно?

– Никак, – покачал головой Рогволд.

Громобой обречённо опустил голову.

– Вероятность такой возможности ничтожна. Мы бессильны что-нибудь сделать.

– Если-бы кто-то всерьёз заботился о дальнейшем развитии науки, возможно, мы бы сейчас не были так беспомощны! – язвительно заметил Мирослав, похоже, в этот раз обращаясь к Рогволду.

Я стиснул зубы. Я понял, о чём они говорили.

– И что дальше? – резко спросил я, поднимая голову.

– Ты можешь остаться здесь или мы доставим тебя на любую другую нашу базу на Земле, или просто на безопасную территорию любой из независимых республик в Африке, Индии или Австралии. Мы можем даже вовсе переправить тебя на другую планету, если ты этого захочешь.

Я замер. И вдруг, почти против своей воли, заявил:

– Я хочу воевать.

– Мы сейчас ни с кем не воюем, и не собираемся этого делать, – отрезал Рогволд.

– Зато другие воюют, и очень неплохо! – воскликнул я.

Громобой улыбнулся.

– А Рома прав! – сказал он.

– Мирослав, может быть, ты выскажешь своё мнение? – потребовал Рогволд. – Или я опять буду вынужден оказаться в одиночестве

– И о чём я должен сказать? – уточнил тот.

– Рогволд, мы ведь постоянно обсуждаем планы возможного восстания. Неужели ты думаешь, что нацисты будут вечно править миром? – спросил Громобой.

– Конечно, нет. Но что ты предлагаешь?

– Я предлагаю, чтобы Роман вступил в нашу организацию, прошёл нашу подготовку, пусть и по сокращённой программе, и в случае, если восстание действительно начнётся – принял бы в нём участие. Где он при этом будет находиться – здесь, или на любой другой нашей базе – не столь существенно.

– Ты берёшь на себя всю ответственность? – уточнил Рогволд.

– Да.

– Я могу остаться здесь, в смысле, в этом городе? – встрял я.

– Да, если захочешь, – кивнул Громобой.

– Под твою ответственность, – ещё раз повторил Рогволд. – Ты знаешь моё мнение.

Громобой кивнул снова.

И ещё я думаю, нам пора, – добавил Рогволд. – Давайте решим окончательно, где останется мальчик, и мы с Мирославом отправимся заниматься другими, не менее важными делами.

– Пусть решает сам! – просто ответил Громобой.

– Давайте здесь! Всё равно мне ничего не дадут делать, ведь так? Какая разница, где я буду находиться?!

– Хорошо, останешься со мной, – сказал Громобой. – Я надеюсь, что сумею подготовить тебя как одного из нас.

– Я тоже на это надеюсь, – мрачно добавил Рогволд. – Нам пора! – объявил он. – Идём, Мирослав!

Он поспешно попрощался, сухо и коротко, на мгновение сжав руку Громобоя, и стремительно направился к двери, а за ним, с несколько виноватым лицом засеменял и Мирослав.

После того, как отзвучал протяжный скрежет захлопнувшейся стальной двери, я не выдержал:

– А куда они так мчались, а, Громобой?

– В этом городе всего три таких базы-убежища, закреплённых за каждым из направленных сюда «разведчиков». Кроме того, весь город разделён на три сектора, за каждым из которых непрерывно наблюдает один из нас. Согласно инструкциям, здесь мы и должны находиться, кроме времени совершения ежесуточного и еженедельного обходов, либо возникновения чрезвычайной ситуации, требующей нашего присутствия. Вот они и отправились, согласно инструкции, скучать в одиночестве.

– А что такое этот Верховный Совет? – вспомнил я.

– Когда возникла наша организация, было решено, что все важные решения мы будем принимать вместе, после обсуждения и голосования, на общем собрании. Но потом правительство это перестало устраивать, и оно потребовало для себя права, в любой момент вмешиваться в нашу деятельность. Так и был создан Верховный Совет. Он не может сам принимать никаких решений но, обладает правом вето – может, по указу правительства, отменить и признать незаконным любое принятое нами решение. Самое любопытное в том, – продолжал Громобой, – что весь Совет располагается даже не на Земле, а на другой планете, но при этом они и оттуда умудряются блокировать почти всю нашу работу.

– Неплохо! – кивнул я.

– Но им этого оказалось мало, – прибавил Громобой. – Они потребовали, чтобы к Земле были направлены несколько небольших космических кораблей, на борту которых находились их особые наблюдатели. Эти корабли теперь всё время находятся на орбите, а позже корабли были снабжены мощным, сверхточным оружием, которое тоже может быть использовано в любой момент, по решению Верховного Совета.

– Как ты вообще догадался, что меня надо спрашивать про Вторую Мировую? – вдруг с интересом спросил я.

– И сам не знаю, – честно ответил Громобой. – Я ведь рассказывал, к каким выводам пришёл, только увидев тебя. Надо было разобраться в этом подробнее, и пришлось с чего-то начинать. А мне повезло сразу, – и Громобой улыбнулся.

– А когда у вас закончилась Вторая Мировая? – вспомнил я.

– После того, как Германия, применив атомное оружие, захватила СССР, США и Великобритания, она, вместе с Японией начала активное наступление по всем направлениям, стремясь захватить все, ещё непокорённые районы. К марту 1946-ого года, Германии удалось подавить основные очаги сопротивления, и 3-его апреля было объявлено о решающей и окончательной победе нацистов, и создании Германской Империи. Но наша организация, как и сотни миллионов людей по всей Земле понимали, что эта победа нацистов на самом деле является поражением для всего человечества, включая и сами немецкий и японский народы Африканские республики, Индия и Австралия, при нашей поддержке, объявили о своей независимости, и отказались подписывать любые договоры с нацистами. Поэтому, по нашему мнению, война ещё не закончена, и будет длиться до тех пор, пока все угнетённые народы не обретут независимость... или пока нацисты не уничтожат последних участников Сопротивления, – И Громобой замолчал.

– А ведь у Германии кроме Японии еще были союзники, – вспомнил я, – что с ними?

– То же, что и с остальными. Немцы так же презирали всех своих союзников, как и другие народы, зачастую даже не скрывая этого – в период военных действий они лишь временно пользовались их силами для своих целей. Добившись их, хотя и не в полной мере, фюрер просто предал всех своих вчерашних союзников, и нарушила все свои обещания. Угрожая атомным оружием, он принудил все эти государства отказаться от своей независимости и признать верховную власть Германии. Первоначально там были созданы «марионеточные» правительства, во всём послушные Германии, но позже Император лишил их последнего подобия суверенитета, превратив в рядовые колонии. Он заявил, что лишь представители чистокровной арийской немецкой расы могут занимать в новом мире господствующее положение, а долг остальных – покорство, и усердный рабский труд. Тех, кто был с этим не согласен, просто уничтожили.

– А что с Японией? Почему тогда фашисты её тоже не захватили? – спросил я. – Или и у неё было атомное оружие?

– Япония, во-первых, географически расположена довольно далеко от Германии, и начинать с ней войну было бы нелёгким и опасным делом. Во вторых, Германия сама была сильно ослаблена во Второй Мировой войне. И в третьих, Япония быстро сумела захватить почти всю Азию, и у если бы Германии и удалось завладеть этими территориями, то она бы просто не смогла их удержать. Поэтому, Германская Империя и подписала с Японской договор, признав за ней все завоевания, и отказавшись от территориальных претензий, но по-прежнему не теряя надежды получить реванш.

А вот атомного оружия у вооружённых сил Японской Империи не было, и нет до сих пор, – добавил Громобой. – Германия сохраняет в строжайшей тайне технологию их создания, и время от времени использует это как последний аргумент в конфликтах со своей «союзницей» – сообщницей в разбое. Она всё ещё надеется с их помощью окончательно завладеть всем миром, хотя при этом от него мало что останется.

– А почему вы не вмешались? Почему не остановили войну? – спросил я, недоумеваю. – Рогволд ведь сказал, что вы наблюдали за нами, собирали информацию. Вы знали о фашистах, о Гитлере, о погромах – почему ничего не сделали?!

– Наверное, мне будет непросто тебе это объяснить, – задумчиво и немного печально заговорил Громобой. – Мы не имеем право вмешиваться.

– Но почему? – удивился я. – Почему?

– Так было нужно для вас, – сухо ответил Громобой. – Возможно.

– Я... я не понимаю...

Мы помолчали немного.

– Фуфло! – вспомнил я красивое старинное слово – Громобою будет приятно, с ногами забираясь в кресло. – Полная хрень! За... заколебали, честное слово!

Громобой усмехнулся.

– Это наша работа, – сказал он.

– Паршивая у вас работа. Вот что, – сказал я, – я хочу спать. Мне всё это надоело. Завтра проснусь, у себя дома, и опять надо вставать, и идти в школу...

– Хорошо, – кивнул Громобой. – Идём!

Он извлёк из кармана (я и не предполагал, что в его костюмчике есть карманы!) какой-то приборчик, похожий на пульт от телевизора, что-то понажимал на нём, и вдруг я непроизвольно обернулся, уловив неясное движение за спиной – монолитная стена прямо на моих глазах бесшумно разъезжалась, открывая широкий проход, за которым виднелась тёмная лестница, ведущая вниз. Громобой вновь щёлкнул пультом, и вся она оказалась залита ослепительным золотистым светом, идущим, словно из самих стен.

– Ух ты! – воскликнул я. – Торжество прогресса!

Громобой приглашающе повёл рукой, и сам пошёл впереди. Я двинулся следом. Стоило мне сделать шаг внутрь, как стены за моей стеной вновь беззвучно сомкнулись. Здесь больше не было прежней грубой кирпичной кладки. И стены, и потолок, и даже поверхность ступенек были полностью покрыты каким-то белоснежным, гладким и приятным на ощупь материалом, от которого непрерывно во все стороны исходило ровное и тёплое золотистое сияние, словно маленькое домашнее солнце спустилось прямо сюда и, ничуть не обжигая, затопило всё стойкими волнами своего густого света. Глаз не уставал от него, мечталось навсегда замереть на месте, любуясь дивными искрящимися переливами.

– Красотища! – объявил я, спускаясь по ступенькам. – Живой свет, золото... Кому нужны дворцы из хрусталя, если можно хоть на разок очутиться здесь!

Громобой улыбнулся.

– Вот мы и пришли! – сказал он.

Мы стояли перед прозрачной дверью, за которой открывался такой же длинный-предлинный коридор, казалось, тянущийся до бесконечности вдаль. Громобой приложил руку к стеклу (если это было стекло), и дверь плавно отъехала в сторону, скрывшись в углублении сбоку, и пропуская нас дальше. По обеим сторонам коридора белели двери. Громобой подвёл меня к одной из них, и снова, тем же жестом руки, заставил её открыться. Внутри оказалась самая обычная, довольно небольшая комната, стены и пол которой испускала то же самое, золотистое свечение. Снова при помощи пульта, Громобой сделал его несколько более приглушённым, и спросил:

– Не стоит сменить цвет?

– Можно! На какой?

– На любой.

Давай зелёный!

По новому щелчку Громобоя, золото вмиг пропало, и комнату наполнило светло-салатовыми оттенками. Из-за этого я словно оказался душистым и звонким летним утром на солнечной лесной поляне.

– Неплохо! Без сарказма, – добавил я.

Все предметы, находившиеся в комнате, из-за падавшего освещения тоже невольно приняли лёгкую зеленоватую окраску. Однако, предметов здесь было немного – узкая, гладко, без намёку на складки, застеленная кровать, небольшая тумбочка возле неё, и круглый письменный стол, с приставленным к нему стулом – у противоположной стены. Вся мебель производила впечатление (а может, так и было!) сделанной из настоящего дерева – только что смола не капала.

И неожиданно Громобой спросил:

– Аромат хвои добавить?

Я кивнул, и в воздухе тут же разнёсся густой и свежий запах растаявшей на солнце смолы, свежей сосновой хвои и земляной сырости. Пахло тайгой и свободой...

Вдруг дыхание прервалось. Всё это было для меня сейчас неизмеримо далеко.

– Не надо, – попросил я.

Громобой странно взглянул на меня, но сосновый лес растаял, как дым, а зеленоватое свечение чуть померкло.

– Ты говорил, что устал! – напомнил Громобой.

Я послушно кивнул, почувствовав, что это, конечно, правда.

– Спокойной ночи! – произнёс я.

Громобой словно опешил, и замешкался на мгновение.

– Ах, да, спокойной ночи. Когда я говорил это последний раз?! Я ведь здесь, обычно, остаюсь один, – добавил он, словно извиняясь.

Громобой вышел, и дверь за ним закрылась. А я, стянув с себя одежду, вытянулся на кровати, и ещё немного полежал, глядя на сочную стен, и опять жалея, что больше нет запаха хвои. Потом закрыл глаза, и уснул мгновенно, и без сновидений.

Пробуждение было неприятным. Меня поднял Громобой. И, едва приоткрыв глаза, я сразу понял, что всё вчерашнее было не сон. Я промычал:

– Так это... ты ещё здесь? Всё ещё здесь. Это был не сон... Какой гнусный кошмар.

– Вставай, Ром, – попросил Громобой.

– Зачем? Зачем вставать, зачем что-то делать? Для чего? Что мы добиваемся, что получим... сидя здесь?! Ничего и с мёртвой точки не сдвинется. На хрена, а?

– Всё происходит в свой срок!

– Значит, в свой срок я и встану, – ответил я, перевернувшись на другой бок.

– Хорошо, – кивнул Громобой, продолжая возвышаться надо мной всей своей массивной квадратной фигурой.

– Ну ладно, встаю я, встаю. Чё те надо, а?

Громобой (буду называть его Гром – очень забавно звучит) лишь молча кивнул.

– Здесь простыня и покрывало – саморазглаживающиеся?

– А как ты догадался? – заинтересовался Гром.

– Да так, по случаю, – ляпнул я в ответ.

– А что это за место? Что это вообще такое? Я же теперь тоже этот... «разведчик», верно? Имею право знать!

– Ещё много лет назад мы начали создавать подобные убежища, и сейчас они есть почти в каждом, достаточно крупном населённом пункте, где мы работаем. Они тщательно замаскированы от случайных наблюдателей, и уходят глубоко под землю. Здесь созданы необходимые запасы почти всего, что только может нам понадобиться, а защита позволяет переждать здесь любую природную или техногенную катастрофу, включая взорвавшуюся неподалёку атомную бомбу. Одновременно, эти убежища являются и нашими штабами, где мы можем проводить общие собрания, а также, в случае опасности, укрываться от врагов. Однажды здесь мне даже пришлось скрывать около трёхсот участников восстания, о котором мы тебе рассказывали, пока их не удалось перевезти в безопасное место. А вообще, оно способно вместить до пятисот человек. Кроме того, здесь расположены и наши наблюдательные пункты, и наконец, мы сейчас вынуждены жить здесь почти постоянно. А что касается твоей службы в нашей организации, то нам, по всем правилам, запрещено принимать в неё жителей Земли. И хотя я очень надеюсь, что для тебя сделают исключение – я уже доложил о тебе в Верховный Совет, но пока считай, что у тебя только лишь испытательный срок.

– Ясно, – ответил я.

После того, как я умылся, не затратив на это много времени (скорее, немного), Громобой привёл меня в просторный круглый зал.

– И что дальше? – спросил я.

– Нам необходимо всё обсудить.

– Что «всё»?

– Сначала – приблизительный план твоей дальнейшей подготовки в качестве участника нашей организации, СМБР,

– Что-что? – не понял я.

– «Служба Международной Безопасности и Разведки», – лаконично бросил Гром.

– Ясно, – кивнул я. – Только сначала ответь, почему вы не вмешались войну? Почему вы вообще ни во что не вмешиваетесь?

– Такова наша философия, – ответил Громобой. – Я должен... я постараюсь, тебе это объяснить. Но мы должны начать с самых основ.

– Отлично! Начинайте!

– Безусловно, – с некоторой торжественностью провозгласил Громобой, – всё в нашей жизни – все события, поступки нас, и окружающих нас людей, погода и природные катастрофы, наше рождение и смерть, даже наши мысли и эмоции – всё это подчиняется некоей Могущей Силе. Я бы даже сказал, всемогущей. Этой силе люди неоднократно пытались дать самые разные имена, пытаясь таким образом сделать её понятнее для себя, или хотя бы обрести иллюзию понимания: Бог, Брахман, Аллах, Дао, Яхве... Мы называем её Всевышней, подчёркивая, что во всем мире нет ничего, способного противостоять ей, но понимая, что нет, и не может быть имени, способного в полной мере отразить все аспекты этой силы, или передать её величие.

– Я немного атеист, – покачал я головой.

– Подобные ограниченные представления абсурдны, – прервал меня Громобой. – Ваши взгляды основаны лишь на слепом бездумном неверии, а наши – на основе наблюдений за тысячами природных закономерностей, подчинённых общим законам, и прямых наблюдений проявлений Всевышней Воли.

– Ладно, – кивнул я. – Давай дальше, это даже забавно.

– Итак, я намерен убедить тебя в неоспоримости факта существования некоей высшей воли, управляющей нами, и на основании этого изложить тебе нашу философию и основные принципы.

– Понятно, – кивнул я. – Как ты можешь доказать, что бог есть?! Религия основана на вере, а не на логике.

– Это попытка одурманить разумы людей, и отвратить их от Бога, как ты его называешь.

Я ещё не встречал такого абсурда – «атеизм – опиум для народа!». Да уж! Это всё-таки оказались сектанты...

– Ну, хорошо, зачем богу понадобилось создавать мир?

– Хаос, мрак. Вечная, безграничная пустота, кроме которой не было больше ничего. Души были обречены вечно томиться в этом непроглядном мраке, не имея ни малейшей возможности спастись. Фактически, ваши учёные говорят то же самое, верно? – добавил Громобой. – До возникновения Вселенной существовала лишь пустота... нет, ни так. Не существовало вообще ничего.

– Учёные говорят немного по-другому, но ладно. Откуда взялся бог?

– Он неизмеримо выше нас, – благоговейно проговорил Громобой. – Всё, связанное с ним, все его намерения – это недоступно нашему пониманию. Мы должны знать лишь одно: Он безграничен в своей милости к нам. И видя страдания невинных душ, Бог решил спасти их.

– Создал Землю за семь дней?! Или убил своего сына?

– Забудь эти христианские басни! – потребовал Громобой. – В действительности, это лишь суеверные, а за тысячи лет изменённые до неузнаваемости представления древних примитивных народов, не имеющие под собой никакой реальной основы. Хотя не стоит отрицать, что ваши пророки, тот же Моисей, Илия, Иоанн, Христос, Мухаммад (или Мухаммед) – в действительности являлись посланниками Всевышней Воли, и получали послания от самого Господа.

– Ага, – поддакнул я. – Абсолютно точно!

Гром не заметил иронии.

– Бог создал универсальную систему, следуя которой, любое живое существо может достичь уровня самого Бога, слившись с Ним в единое целое, и обретя всемогущество, бессмертие и навсегда избавившись от страдания. Вот почему говорят, что Господь един и множественен. Он проявляется в бесчисленном множестве форм, образуя весь видимый и невидимый мир, в котором всё подвластно Его воле.

– И какая же система? – спросил я. – Почему он не мог сделать всех... всех богами разом?! Он же всемогущ?!

– Это не зависит от Его всемогущества. Лишь сам человек способен решить, следовать ему свету или тьме. Необходимо предоставить душе возможность совершенствования, не лишая её возможности... или бремени выбора.

– И что это значит?

– Бог создал сорок девять миров, или ступеней для развития. Наш, материальный мир является одним из самых низших уровней. Каждое живое существо, включая нас самих, и даже окружающие нас предметы – всё это имеет свою душу, обладающую способностью к развитию. Исходя из своего замысла, Бог посылает нам различные испытания, проходя через которые, мы и совершенствуем свою душу, или же, наоборот, упускаем свой шанс. Во время нашего физического существования, перед каждым из нас стоит собственная задача, однако лишь очень немногие способны понять её сразу. Успешно выполнив её, и пройдя сквозь все необходимые испытания, мы, в нужный момент покидаем это брэнное тело, и переносимся на новый, более высокий уровень.

– А если не проходим?

– Если мы, при жизни, нарушаем Волю Божию, то оказываемся, после смерти, обречены на повторное рождение, где вновь имеем шанс, осознав свои ошибки, искупить их, и двинуться дальше.

– Смерть... – не смерть?

Громобой кивнул.

– Физическая смерть – это совсем не конец, а лишь возможность для продолжения роста.

– А почему тогда мы её боимся?!

– Вы утратили древние знания, объясняющие законы устройства мира, и поэтому страшитесь смерти – естественного и необходимого процесса, не зная, что за ней последует. В действительности, к смерти следует относиться как к долгожданному дару, избавляющему от тягот суетного земного существования.

– А самоубийства? Почему это грех?

– Самоубийство, как и убийство – это насильственное отнятие жизни, неважно, своей или чужой. При этом, совершивший подобное, нарушает законы Всевышнего, гласящие, что всё должно происходить в свой срок, своим чередом, и исторгает душу из тела, которая ещё не была к этому готова, и подвергая её угрозе навсегда исчезнуть во тьме, стерегущей неосторожных.

Я молчал, сражённый точёной стройностью этой изящной и гладко выделанной системы, в то же время не подкреплённой даже намёками на доказательства.

– Где доказательства всего этого? И вообще, хоть кто-нибудь прошёл всю систему до конца?

– Несколько тысяч, поднявшихся до уровня Чистого вечного Блаженства. Но они не скрылись от нас, страдающих душ в глубине своего безоблачного рая. Им чужд эгоизм, и ими движет лишь безмерное сострадание. Они, как и сам Бог, пристально и неотрывно наблюдают за нами, всегда готовые прийти на помощь и указать верный путь, когда мы находимся в самых тяжёлых и безвыходных ситуациях.

– И они с вами, типа, говорят? А почему с нами – нет?

– Для них не имеет значение, где находится человек, сколько ему лет, кем он работает, и прочее. Для них важна только наша боль, которую они могут забрать. Просто, зачастую, они действуют так чутко и мягко, что мы даже не замечаем оказанной помощи.

– Понятно.

– Но иногда, – продолжал Громобой, – они, или сам Бог, нисходят и до прямого общения с лучшими из нас, стремясь через них передать важнейшие послания всему человечеству. Таких людей называют пророками, и благодаря им мы и можем знать Всевышнюю волю. Но вы

не верите в мудрость пророков, предпочитая слушать лжецов, использующих вашу глупость в своих целях...

– Но как тогда распознать истинного пророка?

– Держать свои сердца открытыми. Истинные пророки не ищут славы и почестей, но лишь стремятся донести Слово Божье до каждого живого существа в этом мире. Через них же нам были переданы и заповеди, послужившие для формирования всей нашей философии, начиная с древнейших времён. Мудрецы древности справедливо полагали, – продолжал Громобой, – что если весь наш мир был создан в результате акта Всевышней Воли, благодаря Всесильному и Всеведущему Творцу, то он, по своей природе, изначально является справедливым. Если же мы не понимаем этого сразу, то это происходит по той же причине, по которой не понимаем и личности самого Творца – из-за нашей ограниченности.

– Всё, что ни делается – всё к лучшему? – ухмыльнулся я. – Неплохо!

– И всё, что не делается – тоже, – добавил Громобой. – И это, даже, в первую очередь. Одним из важнейших принципов было объявлено ненасилие по отношению ко всем живым существам, невмешательство, и предоставление свободы выбора для всех, кто к этому стремился. С самого детства всех нас воспитывали на этих принципах. Мы отвергали жестокость, жадность, зависть, похоть – всё тёмное и низменное в человеке. Мы объявили это противоестественным. Мы утверждали, что человек, по своей природе, добр, бескорыстен и сострадателен.

За несколько десятилетий в нашем обществе преступность оказалась практически искоренена, и продолжает удерживаться на предельно низком уровне и до нынешнего времени. Начался невиданный подъем науки, позволивший навсегда избавиться даже от так называемых «неизлечимых» заболеваний, и проложить дорогу к освоению космоса...

Громобой замолчал на несколько мгновений, словно погружённый в раздумья.

– Стойкость и смирение были названы величайшими добродетелями, – снова заговорил он. – Вмешательство в жизнь других была объявлена попыткой препятствовать Божьей Воле и проявлением гордыни.

В это мгновение до меня дошло.

– Я где-то слышал фразочку, – заговорил я, – типа, «дети имеют право даже на собственную смерть».

Это был, вообще-то не вопрос, но Громобой кивнул:

– Да, – и, как мне показалось, виновато, опустил голову.

– Каждый имеет свободу выбора – поэтому вы не вмешались в нашу историю. А если мы исчезнем – исчезнет и всякая возможность выбора. Поэтому вы старались не дать нам полностью исчезнуть, – подытожил я.

– И даже старались помогать, – добавил Громобой. – Мы должны помогать каждому, кто попросит нас об этом, в меру наших сил и возможностей, если это не станет противоречить нашим принципам.

– А это... почему?

– Если была предоставлена возможность обратиться к нам – значит, так было угодно Всевышней Воле. А вот сможем ли мы действительно помочь – это уже зависит только от Бога.

– Молодцы. Всем помогаете, никого не трогаете, ни во что не вмешиваетесь. Блеск! Люди только почему-то погибают... – последнюю фразу я договорил медленно, и замолчал, вспоминая, что по этим диковинным представлениям это, оказывается, совсем не повод ужасаться... Да уж!

– Подожди, – вдруг осенило меня, – если я попрошу вас вмешаться в войну...

– Мы должны будем это сделать! – произнёс Громобой, и мрачная радость озарила его лицо.

– Пойдем завтракать! – вдруг предложил Громобой. – Ты уже, сколько дней не ел!

– Ага, – кивнул я. Наконец-то он сказал что-то дельное. А то баснями, сколько ни корми – не накормишь. Да ещё такими дурацкими.

Он, через бесконечный лабиринт коридоров и лестниц, привёл меня в очередную комнату, тоже круглую, светлую и чистую, большую часть которой занимал грандиозный круглый стол (рыцарей не хватает! М-да, очередная тупая шуточка. Не сдержался.), с гладкой поверхностью непонятого блеклого цвета, довольно красиво отражающая сиреневый цвет лампы, лучезарно блестящей под потолком, и окружённый невысокими скамеечками, упершимися безбожно раскоряченными ножками в назеркаленный пол. Затем, оставив меня в окружении этой неликвидной мебели, Гром удалился в неизвестном направлении, но вскоре вернулся, таща в охапке две белые ложки из непонятого металла, два небольших, кругленьких, туго набитых и запечатанных пакета, и большую бутылку воды. Он вскрыл пакеты, к моему ужасу, спокойно залил в них воду, тщательно всё это перемешал, и протянул одни из них мне. Первым делом я стремительно завертел его в руках, осмотрел со всех сторон, и убедился, что, во-первых, это не бумага, а во-вторых, она не промокла. Это был какой-то, очень похожий на неё, тонкий, но прочный материал, напоминающий на ощупь и цветом пожелтевшие кленовые листья. Внутри оказалась густая, вязкая масса, внешне напоминавшая мокрую глину. Вкусом, как оказалось, тоже. Я, как раз, зачерпнул побольше, положил в рот, начал торопливо жевать...

– Что это? Вот гадость, а! – воскликнул я.

– Здесь, в каждом таком пакете, содержится суточная норма всех необходимых человеческому организму питательных веществ, рассчитанная среднестатистически.

– То есть, можно есть раз в день? – уточнил я.

– Да. Представляешь, сколько дополнительного времени это высвобождает?! – с энтузиазмом добавил Громобой.

– Готовить, опять же, не надо, – поддержал я.

Некоторое время мы настойчиво жевали, в полном суровом молчании.

– Громобой, ты обещал рассказать про вашу подготовку. Ну, раз я теперь с вами... – вдруг оживился я.

– Вообще-то, во время еды следует наслаждаться вкусом пищи, и не отвлекаться на посторонние разговоры, – неуверенно заметил он.

Я молчал, оставляя Громобоя без поддержки. Он тоже замолчал.

– Нам, как бы, «наслаждаться» особо нечем, – вставил я.

– Хорошо, – решил я Громобой. – Но потом я должен узнать, как можно подробнее, всё о вашем мире, – добавил он.

– Отлично, – кивнул я.

– Ну, в таком случае, начнём. Первоначально мы практически и не представляли, каким образом следует готовить новых «разведчиков». Первые из нас проходили всего лишь стандартный курс, предназначенный для исследователей новых звёздных систем, но по мере того, как мы лучше знакомимся с особенностями жизни на вашей планете, подготовка становилась всё более длительной и разнообразной. Сейчас она занимает от двадцати до тридцати лет, в зависимости от специализации, поэтому нас начинают готовить с самого детства. Наша подготовка включает в себя все знания и навыки, которые только могут нам понадобиться.

Первоначально, огромное внимание уделяется физической подготовке. Мы сильные, быстры и ловки. Мы можем бежать сутками, преодолевая огромные расстояния. Мы можем плыть, не нуждаясь в плотках и лодках, словно сами родились в воде. Мы можем преодолевать отвесные скалы, не имея никакого специального снаряжения. Для нас нет преград – мы движемся свободно, и максимально быстро среди городских строений, в тайге, пустыне, среди болот или в вечной мерзлоте.

Мы также можем выжить, найти воду, укрытие и пропитание почти в любом месте, где будем вынуждены оказаться. Мы можем и неделями обходиться без пищи и воды, выдерживать холод, жару, невероятные нагрузки, и продолжать выполнение поставленной задачи. По этим показателям мы без труда обходим и представителей элитных спецподразделений, – добавил Громобой, гордо вскидывая голову.

– Каждого из нас можно по праву считать мастером рукопашного боя, – продолжал он, – несмотря на то, что сейчас нам всё реже приходится использовать этот навык. Мы в совершенстве владеем десятками видов холодного и огнестрельного оружия, и почти любой предмет может использовать в качестве них. Мы можем сделать мощную взрывчатку из почти любых подручных материалов, и с успехом использовать её. Мы знаем тактику и стратегию современной войны, и владеем методами войны партизанской. Мы можем умело проводить диверсии, владеем искусством шпионажа и слежки и методиками допроса, а также вербовки агентов и осведомителей для своих целей. Мы можем управлять почти любым наземным, морским, воздушным и космическим транспортом.

Мы в совершенстве знаем психологию, мы можем войти в доверие и манипулировать человеком, вводя его в любое нужное нам трансовое или иное изменённое состояние сознания. Мы изучаем почти все используемые на вашей планете языки, а также многие «мёртвые».

Мы подробно изучаем почти все сведения, накопленные человечеством, по основным разделам наук. Это и физика: механика, волновые и термодинамические процессы, электростатика и электромагнетизм, молекулярная физика и квантовая механика; органическая и неорганическая химия; различные науки, связанные с изучением живой природы, включая человека: ботанику, зоологию, вирусологию, микологию, бактериологию, физиологию и анатомию; физическую и социально-экономическую географию Земли. Мы изучаем вашу историю, и общие законы общественно-политического развития. Мы знакомимся с культурой и традициями ваших народов, с выдающимися творениями ваших знаменитых художников, поэтов, композиторов и писателей, начиная с древнейших времён и до наших дней. Если нам необходимо жить среди какого-то народа, то мы способны выдавать себя за кого угодно – представителя любой национальности, профессии, социального слоя, и никто не сможет распознать в нас пришельцев, – закончил Громобой.

– Вы знаете всё! Вы можете всё! – тихо провозгласил я, охваченный изумлением и восхищением. – Но разве может кто-то... знать столько?!

– Мы не всемогущи, и не всеведущи. Всемогущ и всеведущ лишь Всевышний! – возразил Громобой. – Есть очень много того, что мы не знаем. И, к сожалению, у меня не хватит времени даже чтобы передать тебе всё, что знаем мы.

– А на что хватит?

– Мы должны сделать из тебя воина, возможно – командира. Нацисты не вечно смогут держать человечество в рабстве, и когда поднимется восстание, каждый боец, и каждый автомат окажутся на счету.

– У меня будет шанс... ты предлагаешь мне... поучаствовать?!

Гром лишь странно усмехнулся в ответ, и мы доели цемент в полном молчании.

– Ты обещал рассказать о своём мире, – наконец напомнил Громобой.

– Да, – кивнул я. – Только ещё один вопрос: почему у вас такие древнеславянские имена?

– Древнеславянские? – переспросил Громобой. – Да, ты прав. Но ведь вся ваша культура произошла от нашей! Это вы позаимствовали и наши имена, и обычаи, и легенды, и первоначальные знания о мире, и язык, и письменность и многое другое! Но и у нас существовало и существует несколько десятков различных народностей – мы называем их родами, из которых, в дальнейшем, и образовались все ваши народы. Рогволд, например, относится к Светардам, а мы с Мирославом – к Расенам. Вот почему он так взъелся за тебя на то, что ты решил, что мы все говорим на русском, – и Громобой лукаво усмехнулся. – В действительности, ваш

современный язык, конечно, довольно сильно отличается от нашего, но вот язык древних славян любой из расенов понимал без труда.

Я тоже не смог сдержать улыбку.

– А как вы вообще живёте? Кто у вас правит... всей Вселенной? Царь?

– Мы привыкли считать это демократией, – неожиданно резко ответил Громобой. – Один раз в семь лет всеобщим прямым равным открытым голосованием избираются сорок девять Народных Представителей, обладающих всей полнотой законодательной власти. Они избирают из своего состава Великого Владыку, назначаемого пожизненно, являющегося главой государства. Он, в свою очередь, назначает своего Первого Советника, определяющего состав Правящего Совета, исполняющего при Владыке роль кабинета министров, а также глав местных органов исполнительной власти.

– А почему представителей 49, выборы – раз в семь лет?

– Семь – священное число. Сорок девять – семь семёрок.

– А судебная власть? – вдруг вспомнил я.

– Вы обращаетесь к земным судьям, назначаемым земными удельными князьками; не гнушающимся взятком, и не страшащимся лжи, а мы преподаем на милость Всевышнего. Лишь его решения всегда бывают беспристрастны и справедливы!

– А ваши народы...?

– Несмотря на то, что мы бережно храним обычаи и традиции наших предков, свой язык и культуру, все мы вместе избираем центральную власть и образуем единое, если можно так сказать, государство. Представители всех наших народов равны в своих правах на территории всей освоенной Вселенной.

– У вас есть политические партии? Оппозиция?

– Народ не видит в этом необходимости. К власти, как правило, приходят те, кто уже находился в ней и раньше, но, возможно, на других постах, и сумел делом доказать свою полезность. Но, конечно, даже члены правительства – тоже люди, они старятся и умирают, и поэтому все они постепенно сменяются другими. Но простые граждане не очень стремятся попасть во власть – ведь это огромная ответственность и нелёгкий труд на благо всего человечества. А что касается оппозиции, – продолжил Громобой, – то, так как большинство убеждено в совершенстве существующего строя, то сторонники каких-либо реформ крайне незначительны, не имеют широкой поддержки и не представляют серьёзной политической силы. Многие вообще считают, что существующий порядок установлен Богом, – добавил Гром, и мне показалось, что в этот момент по его лицу проскользнула ироническая усмешка.

– Я теперь тебе должен рассказать всё про нас? – вспомнил, в этот раз, я.

Гром кивнул.

И я начал рассказывать. Как оказалось, к моему удивлению, рассказать было о чём. Я начал свой рассказ с описания основных событий, произошедших после Второй Мировой войне – какие смог вспомнить (и их оказалось немало). Гром слушал хорошо: не перебивал, время от времени что-то уточнял, многозначительно кивал головой, и снова продолжал внимательно слушать. Потом я, как то незаметно для себя, перешёл на подробный рассказ о нашей современной жизни: политике, экономике, медицине, экологии, образовании, искусстве. Но самый жгучий и неприкрытый интерес у Громобоя вызывало развитие и достижения науки. Об этом он, похоже, мог говорить часами, и непрерывно задавал мне всё новые и новые вопросы, так что я даже пожалел, что могу рассказать, так мало.

Мы заговорили об освоении Космоса. Громобой рассказывать мне и об их грандиозных достижениях в этой области, о Волнах Колонизации, и я вдруг спросил:

– А здесь земляне в Космос не летали?

– Нет. У них... другие заботы. Учёные нацистов однажды пытались запустить искусственный спутник на орбиту, но почти сразу потеряли над ним управление, а потом и связь, – и Гром

хохотнул. – А они надеялись, в будущем, с его помощью отслеживать перемещения повстанцев...

– Что смешного-то?! – недоумевал я.

– Просто мы... в общем, помогли им... «потерять связь». В конце концов, вся эта история так и осталась в тайне – учёных казнили, за неудачу, всю информацию засекретили, а мы молчим, и будем молчать.

– Отлично сработано! Так вот и не даёте нам открыть космическую эру, поганые инопланетчики... – с притворной злобой, констатировал я.

Неожиданно Громобой, словно о чём-то вспомнил, ненадолго вышел и, вернувшись, принёс мне такую же одежду, как и у него – чёрная рубашка с золотистым воротником, чёрные брюки, и обувь, напоминающую обычные кроссовки. Причём, всё было не просто какое-то темноватое, а именно насыщенного и густого, как дёготь, оттенка, по сравнению с которым сама ночь превращалась в обычный полумрак.

– Это стандартная униформа работника СМБР, – объявил он.

– Почему чёрная? Черепов ещё каких-нибудь не хватает только!

– В нашей культуре, этот цвет – символ земли, мира, новой жизни, символ народа и свободной воли.

– Символ Земли? – уцепился я за слово.

– Вот поэтому, по-видимому, и выбрали этот цвет – так сказать, игра слов, – ответил Громобой, поняв, что я имел в виду.

Я переоделся: ощущения были странные – словно я погрузился, по самую шею, в большой бассейн, наполненный чуть тепловатой водой, не стекавшей с меня, но и не препятствовавшей движениям, а лишь мягко струившейся вдоль самой кожи. Физического ощущения ткани не возникало вовсе.

– Что это такое? – восхитился я.

– Особая ткань, созданная нами. Она не мокнет, обладает термоустойчивостью – не горит даже в открытом пламени, и терморегуляцией – поддерживает постоянную температуру тела, независимо от внешних воздействий, защищает от воздействия многих видов излучения, включая радиоактивное альфа- и бета-излучение, а также многих вредных химических соединений. И обрати внимание, – вдруг добавил он, – на внутренней стороне воротника – твой личный идентификационный код – уникальная комбинация цифр, позволяющая любому другому «разведчику» определить, в случае необходимости, действительно ли ты тот, за кого себя выдаёшь. А вот постороннему ему обнаружить довольно непросто.

Я отогнул воротник, и действительно, обнаружил там длинную строку из циферок.

– И чё с этим делать?! – осведомился я.

– Выучить! – посоветовал Гром. – Могу порекомендовать тебе несколько методов для эффективного запоминания информации, – добавил он.

– Понятно.

Я ещё раз осмотрел себя в «обновке», и остался доволен. Тем более, меня приняли в эти... «разведчики». Прямо всю жизнь только и мечтал! Ладно, а что мне ещё остаётся?

Так и началась моя новая жизнь – наверное, самое спокойное время из того, что выпало мне в этом непонятном мире, где я, таким загадочным образом, оказался. Можно бы порассуждать о том, что если у Бога и есть чувство юмора, то проявляется оно, порой, довольно странно. Или просто мы, лишённые этого чувства напрочь, просто не можем оценить Его шуток, самой грандиозной из которых, как раз, и является весь наш мир.

Но рассуждать не хотелось, потому что шутка, действительно была выкинута глупая и злая. Но, как говорится, неисповедомы пути Господни...

А тем временем, Громобой усиленно ковал из меня воина. Он, определённо знал, что делать. Моё обучение началось с первого дня. И это было удивительное обучение.

Громобой никогда ни в чём не принуждал меня – он всегда оставался бескомпромиссно верен своим принципам ненасилия. Так, например, он подробно изложил всё философское учение – своего рода религию, на необозримое множество лет, завладевшее умами большинства его сограждан. И, несмотря на то, что Гром всю свою жизнь оставался его верным и убеждённым последователем, всегда и во всём полностью доверял и следовал ему, он не сделал ни одной прямой попытки «перетянуть меня на свою сторону». Я воспринял это учение сам, с течением времени. Громобой лишь говорил, отвечал на вопросы, убеждал и переубеждал – но сохранял полный нейтралитет.

Обучал он меня точно так же. Он лишь вёл, иногда настойчиво, подталкивал, указывал, объяснял – и давал мне возможность делать то, что я считал нужным.

Довольно быстро оказалось, что скудная программа-минимум, наподобие «курса молодого бойца», не удовлетворяет ни моим задачам, ни интересам. И я жадно принялся изучать всё, но понемногу – с поправкой на нехватку времени, отчаянно стремясь охватить необъятное. И с каждым днём передо мной всё шире распахивался удивительный, безграничный мир, который я постигал, укрытый в этом подземелье.

Тренировки у меня и так были почти каждый день, а иногда и по два раза. И времени всё равно оставалось утомительно много.

Громобой, чаще всего, делать было тоже практически нечего – регулярные наблюдения через установленные по городу камеры, редкие вылазки наружу, ещё более редкие встречи с другими «разведчиками», неизменно перераставшие в ожесточённые споры – словно отчаянная попытка выплеснуть неистраченные силы в утончённых словесных поединках, не отнимали много времени. Какую-то его часть занимали научные изыскания – Громобой целеустремлённо отдавал химии, в попытках получить новый философский камень – искусственно смоделировать процессы фотосинтеза – важнейшая задача, которая до сих пор не была выполнена. Точнее, этим просто никто не занимался.

Поэтому, Гром был, похоже, безудержно и откровенно рад просто возможности иметь постоянного собеседника, которому можно говорить что угодно. И мы говорили. О строении Галактики, о геноме человека, о колонизации Галактик – а ещё о восстаниях в Южной Америке, голоде в Азии, эпидемиях тифа и холеры в Европе – наша планета словно вернулась в эпоху варварства.

Я стал забывать прежний мир. Наша история превращалась в сборище сказок и легенд, полумифических и полудостоверных. В сон – удивительно доходчивый и логичный, когда находишься внутри, и мгновенно улетающий, превращаясь в расплывающийся туман, стоит лишь открыть глаза. А однажды я проснулся... и несколько мгновений не мог вспомнить лицо отца. Мне стало страшно. Я скрипел зубами, беззвучно выл и рычал, заставляя огненными чертами вспыхивать в мозгу картинки прежней жизни. А потом в голове опять всплывали имена... и я снова силился вспомнить, кому они принадлежали.

Но я всё же сохранил основное. И иногда от этой памяти тоже хотелось рычать и выть, скрежетать зубами, и биться об стены – от того дикого несоответствия между этими добрыми, благополучными картинками и отчаянной дикой реальностью окружившего меня чёрного царства всеобщего угнетения...

В свободное время я ещё читал. Запоем, отчаянно, всё подряд – научные книги, классическую и философскую литературу. И документальные отчёты «разведчиков», особенно начиная с 40-ых годов – самые отталкивающе ужасные, но в то же время, обладавшие какой-то странной, болезненной притягательностью, вызывающие какой-то тошнотворный интерес к страданиям людей и всего человечества. Это были сухие, скупые строки, но не упускающие ничего весомого. Репрессии, тюрьмы, аресты, казни, концлагеря, пытки, подневольный труд,

провокаторы, побеги, каторга, восстания, новые аресты и казни... голод, эпидемии, нищета, невежество и несправедливость – и всё это на фоне бесчисленных имён и дат, графиков и статистических данных... Численность всего населения планеты составляла около трёх миллиардов, а у нас приближалась к восьми! Что можно добавить ещё?! Взгляд не хочет видеть этих страданий, словно залитых бесчисленной невидимой кровью жертв, число которых не может вообразить человеческий мозг!

И я то безоговорочно соглашался с Громобоем, и верил в Божественное милосердие, то вновь начинал отчаянно и страстно протестовать: как можно было допустить такое, будь Он хоть тысячу раз всевидящ и всемилостив?! И как гуманисты-«разведчики» могла безропотно и равнодушно вынести всё это?!

А ещё я читал Шекспира. Всё началось с разговора об эпохе Возрождения, начавшейся в Европе. Эта эпоха всегда оставалась для меня загадкой – как из зыбкой серой мглы Средневековья всего за несколько веков и даже десятилетий могло вознестись это ослепительное сияющее торжество Разума и Гуманизма, знаменующее начало освобождения Человечества?!

– Во-многом, именно нам принадлежит заслуга в возникновении европейского Ренессанса, – однажды торжественно объявил Громобой.

– Что это значит? – переспросил я.

– Наблюдая за ходом развития общества, мы с горечью обнаружили, что на большей части обитаемой суши подобного развития как раз и не наблюдается, – пояснил он. – Это вызывало озабоченность у многих... кроме, надо признаться, Верховного Совета. Но мы решили использовать свои методы, и тщательно всё рассчитав, принялись систематически поддерживать тогдашних деятелей науки и искусства. Среди них были и величайшие гении Человечества, дожившие в светлой памяти потомков и до наших дней. В их числе было и немало наших сотрудников, которые, не раскрывая своего происхождения, по мере возможностей, щедро делились с землянами нашими достижениями. Так и началась эта грандиозная революция в умах и душах людей – и заметь, мирная революция! – добавил он, закончив свою неожиданно короткую импровизированную речь.

– И назови хотя-бы одного из вас, добившегося... ставшего... сыгравшего заметную роль в Возрождении! – наконец вывел я свою мысль.

– Вильям Шекспир! – торжественно, и не без пафоса объявил Громобой. – Один из величайших поэтов, один из знаменитейших драматургов, один из важнейших деятелей Ренессанса! Но никому было невдомёк, что под этим именем скрывается один из наших «разведчиков». Его талант вызывал изумление и восхищение и у его современников, и у потомков, но самое удивительное сумели обнаружить исследователи его творчества: во-первых, словарный запас, использованный в его произведениях в десятки раз превосходит данный показатель у большей части человечества; во-вторых, его эрудиция является совершенно невероятной для человека его времени и его происхождения – это касается и его общей образованности, и его знаний об особенностях жизни других народов и их истории. Всё это продолжает ставить в тупик современных учёных. Но в действительности, всё это является абсолютно обычным для любого из нас.

– Именно так, – с улыбкой кивнул я.

– Ты знаком с его произведениями? – осведомился Громобой.

– «Ромео и Джульетта». И ещё некоторые... сонеты.

– Каждое его литературное произведение – это грандиозное откровение для Человечества. Для начала, я рекомендую «Гамлета».

– Быть или не быть – вот в чём вопрос...?! – неуверенно процитировал я.

– ... Что благородней духом – покориться прачкам и стрелам яростной судьбы или, ополчась на море смут, сразить их противоборством? – грозно, и в то же время трагично декламировал Громобой. —«Умереть, уснуть – и только; и сказать, что сном кончаешь тоску и тысячу

природных мук...» – тихо закончил он. – Превосходно! Мы считаем, что это один из лучших сделанных переводов, – добавил Громобой. – Он был закончен незадолго до начала этой войны.

И я начал читать Шекспира. Наследие его было необъятным. Но в каждой строчке сквозило его сходство с «разведчиками» – он, абсолютно, был одним из них, такой же умный и бесстрашный. И, как ни парадоксально, но его тягостные сюжеты ошутимо наполняли меня каким-то светом и надеждой.

А ещё меня учили убивать. Использовать для этого все возможные методы и средства. Но сначала мне нужно было научиться выживать самому.

В один из первых дней Громобой привёл меня в огромное помещение, расположенное на одном из верхних уровней убежища. Оно оказалось спортзалом – почти полностью пустое: из тренировочного инвентаря здесь были лишь турник, брусья и боксёрские мешки, подвешенные к специальным опорам, и ещё несколько тренажёров загадочной конструкции и непонятного предназначения. Здесь Гром прочитал мне первую лекцию по теории физической подготовки.

– Физическая подготовка является определяющим фактором для выполнения задач самого разного характера. Это означает, что и нам необходимо уделить ей самое пристальное внимание. Безусловно, можно заявить, что в наше время, с развитием новейших технологий и использованием самых высокоэффективных технических устройств потребность в ней отпадает, но если тщательно разбирать этот вопрос, то следует признать, что во многих ситуациях превосходная физическая подготовка является неотъемлемым качеством, дополняющим другие специальные навыки и превосходное техническое оснащение: трудно представить бойцов элитного спецподразделения, снабжённых новейшим вооружением и отлично экипированных, но не способных подтянуться больше пяти раз или пройти десять километров в полном обмундировании; сложно представить диверсанта, проникающего на строго охраняемый объект, не будучи способным, скажем, перелезть через стену или бежать быстрее восьми километров в час. Такие люди могут с успехом проводить время в сухих и комфортных штабах, сочиняя различные отчёты, разрабатывая планы, занимаясь снабжением и связью, и их деятельность является второй гранью, необходимой для успешного выполнения любой задачи. Но армия, солдаты которой не способны вести наступательные действия из-за низкой выносливости и плохой физической подготовленности своих солдат не способна и к ведению современной войны.

Другим аспектом, предъявляющим высокие требования к физической подготовки, является рукопашный бой. Безусловно, основные требования здесь можно сформулировать следующим образом: скорость важнее силы, а точность важнее скорости. Однако, необходимо уделять внимание развитию и силы, и скорости, и точности, и всех остальных физических, а также волевых качеств. И хотя рукопашный бой всё больше теряет своё практическое значение в боевых условиях, из-за развития огнестрельного оружия, но он всё ещё является важным средством в ближнем бою, при захвате и обороне зданий, в уличных схватках, а также при проведении диверсий, разведывательных операций, акциях партизанской борьбе.

Высоко влияние физической подготовленности и на способность к выживанию в самых различных неблагоприятных условиях, где можно оказаться во время ведения боевых действий, выполняя разведывательные задания, или при необходимости скрываться от преследования. Исходя из этого, целесообразно заниматься развитием всех основных физических качеств, а также уделять внимание закалке и развитию волевых качеств. Для этого в нашем распоряжении имеются самые разнообразные методы.

Мы предпочитаем, для развития силы, выносливости, равновесия, скорости и ловкости применять методы, не требующие, в основном, специального оборудования, и использующие в качестве отягощения вес собственного тела. К ним относятся многочисленные виды

упражнений: бег, прыжки, отжимания, приседания, подтягивания, «мост», для развития спины и шеи, стойки на голове и руках, висы, многочисленные гимнастические упражнения, включающие перевороты и группировки вперёд и назад, а также многое другое. Большинство из них имеет многочисленные модификации.

– Почему именно они? – решил поинтересоваться я.

– По нескольким причинам. Во-первых, само то, что этот метод не требует специального оборудования, позволяет тренироваться практически в любых условиях и в любом месте, где нам придётся оказаться – можно тренироваться даже в зоне боевых действий. Эти упражнения благотворно влияют на здоровье, при правильном применении почти исключены травмы. Кроме того, они позволяют развивать полезные практические навыки, связанные с перемещением собственного тела в пространстве.

После такой речи, Громобой тут же провёл первую тренировку. Обычную «круговую», на развитие выносливости. Я сначала пробегал в среднем темпе пятнадцать кругов по спортзалу – то есть, примерно около километра. После этого я сразу подходил к турнику и подтягивался средним хватом раз восемь, потом двадцать пять раз отжимался от пола, стараясь соблюдать правильную технику, выполнял упражнения на пресс, и снова бежал.

Первого круга я почти и не заметил. На втором я ощущал лишь прилив сил и энергии – казалось, что так можно тренироваться хоть вечность. На третьем, подходя к турнику, я внутренне порадовался, что хоть немного, но занимался спортом раньше, ещё дома. На четвёртом я уже порядочно устал, а на пятом уже не мог думать ни о чём, кроме отдыха. Дыхание сбивалось постоянно, и я еле двигался из-за всё усиливающегося жжения в мышцах. Сам не знаю как, я доделал всё до конца. Мне было разрешено приступить к отдыху. Правда, выбор здесь был невелик – я и сам не мог продолжать дальше. Но стоило мне плюхнуться в горизонтальное положение, как Громобой предусмотрительно заметил:

– Сразу после интенсивных физических нагрузок лежать или сидеть – вредно.

– Спасибо, – пролепетал я, задыхаясь. И перевернулся на бок.

В другие дни Громобой обучал меня рукопашному бою и стрельбе. Основными чертами стиля, разработанного «разведчиками» было невероятное разнообразие приёмов и склонность к более «мягкому» бою, с обилием разнообразных уклонов, уходов в сторону, «мягкой» блокировки. Тактически вновь отдавалось предпочтение защите, но с последующей контратакой. Это не требовало большой физической силы, но определённой ловкости и, конечно, многократной отработки всех технических элементов, преимущественно в свободном и полусвободном спарринге. Громобой был примерно одного со мной роста, но при этом чудовищно силен и проворен. Он сам показывал мне, как одним ударом мог прошибить толстую дубовую доску или разбивал одним ударом несколько поставленных друг на друга кирпичей. Но он всегда был очень аккуратен, и умудрился ни разу не травмировать меня за всё время тренировок. Каждый учебный поединок превращался в причудливое хитросплетение из атак, защит и контратак, в неспешном ритме шахматной партии перетекавших из одной в другую.

Громобой обучал меня и бою против и в составе группы, хотя, в основном теоретически, бою против и с использованием различного (неогнестрельного) оружия, и бою в особо тяжёлых ситуациях – в темноте, в замкнутом пространстве и т. п. В общем, готовили меня основательно.

Ещё больше внимания уделялось стрельбе.

Классификацию огнестрельного оружия, как и систему географических координат в СМБР для удобства, и из соображений секретности, разработали свою: каждой из используемых «разведчиками» моделей оружия, многие из которых они создавали сами, из своих нужд, присваивались трёхзначные порядковые номера, начиная с 000. В основном, я стрелял из пистолета-пулемёта ПП-178. Он был создан в середине прошлого века, и объединил в себе возможности практически любого из видов огнестрельного оружия: при необходимости, он превращался и в ручной пулемёт, автомат или в снайперскую винтовку. Несмотря на это, кон-

структуры умудрились обеспечить и относительно малые размеры, и массу оружия. Тактика «разведчиков» как раз и предполагала действия небольших маневренных групп, участники которых могли выполнять самые разные функции, в зависимости от меняющейся обстановки, а сама группа – осуществлять задачи разведки, прорыва, прикрытия, обороны, или чего-то ещё, не теряя ни мобильности, ни огневой мощи. И хотя оружие как раз и уступало большинству моделей по их главным характеристикам: пулемёту – по скорострельности, снайперской винтовке – по дальности, но полностью обеспечивало требование универсальности. Кстати, подобное вооружение было создано, позже, и в других армиях, в том числе и германской, а также пользовалось популярностью во многих повстанческих и партизанских отрядах.

На первом занятии Громобой подробно объяснял мне устройство пистолета-пулемёта, технику безопасности при стрельбе (как будто во время стрельбы может быть безопасно!), основные хватки оружия (есть и такие) и основные положения тела (безграничное количество!), перемещения с оружием в бою, а потом вдруг, когда я держал оружие в руках, отошёл метров на пять, и коротко приказал:

– Стреляй!

Я тупо пялился на него. Когда до меня немного дошло, я робко уточнил:

– Что-о-о?!

– Стреляй в меня! – дружелюбно пояснил Громобой. – Я хочу показать тебе кое-что.

Всё ещё недоумевая, я как-то сам собой наставил на него оружие и... нажал на курок. Я, наверное, надеялся, что он как-то увернётся, хотя и не представлял, как можно увернуться на таком близком расстоянии. Но Громобой не увернулся.

Ничего не изменилось, лишь на его одежде я отчётливо увидел маленькую, словно Гром за что-то неловко зацепился, дырочку. Но Громобой падать и не думал. Крови тоже не появлялось. И я почему-то был уверен, что под рубашкой у него нет бронежилета, да и сквозь отверстие светлела самая настоящая кожа.

– К-как?! – выдавил я из себя.

Громобой явно усмехался, наслаждаясь произведённым эффектом.

– Мы неуязвимы для пуль, а также для холодного, ударно-дробящего и любого подобного оружия, – доверительно сообщил он. – Взяв за основу одну древнюю китайскую систему, и серьёзно переработав её, нам удалось создать метод, при помощи которого наши тела становятся нечувствительны к холоду, жару и относительно слабым механическим воздействиям, и сами стареют очень медленно. Это особенно важно для нас, – добавил он, – наша подготовка занимала бы у обычного человека большую часть жизни.

– Вы бессмертны?! – недоверчиво переспросил я.

– Нет. Бессмертны – пока не убьют, неуязвимы – пока не «уязвят». От прямого попадания снаряды или от близко разорвавшейся гранаты не защититься даже нам. А иногда может убить и что-то другое – яд, например.

Когда я начал стрелять намного лучше, Громобой начал обучать меня новому методу.

– Теперь, попробуй стрелять не целясь! – предложил он.

– Как так? – удивился я.

– Мы называем это стрельбой без визуального контроля или интуитивной стрельбой, – пояснил Громобой. – И хотя некоторые эксперты отрицают этот метод, мы успешно используем его в своей практике. Ключевым здесь является способность точно отслеживать положение самого твоего тела, а также положение оружия относительно тела, не прибегая к помощи зрения. Этот навык приходит после длительных специальных тренировок, и должен быть отработан до «автоматизма». После этого, ты сможешь, наблюдая за положением самой цели, безошибочно наводить на неё оружие, не следя за прицельными приспособлениями. Только подобный способ и используют, например, при метании любых предметов, отслеживая и определяя положение точки попадания, и не концентрируясь на метающей конечности, которая сама подби-

рает нужную траекторию. В бою, роль этого навыка особенно велика при стрельбе на коротких и сверхкоротких дистанциях, когда условия просто не позволяют прибегать к обычному прицеливанию.

– Удобно, – кивнул я. И начал тренироваться.

После освоения базовых навыков, много внимания уделялось психологической подготовке. Главные её цели определил Громобой так: избавиться от боязни оружия и выстрелов, и избавиться от боязни стрелять в человека. То есть, в общем, научиться, без страха, действовать в бою.

Перестать вздрагивать после каждого выстрела, я научился довольно быстро. Со второй задачей было намного сложнее. Будучи гуманистами, «разведчики» не могли тренироваться в убийстве живых людей. Поэтому, приходилось использовать другие методы. Во-первых, для стрельбы с самого начала использовался силуэт человека, при этом, для оценки результатов использовалась степень предполагаемого поражения. Сама мишень становилась всё более похожей на человека. Затем, я отработывал стрельбу на специальном тренажёре, на экран которого проектировались изображения различных боевых ситуаций. После успешного попадания, изображения сменялись соответствующим образом.

Постепенно, условия становились всё старательнее имитировали реальность – добавлялись дым, звуки выстрелов и взрывов, крики. Наконец, Громобой объявил, что я, процентов на 80, буду на что-то годен в бою.

Мы первый раз поднялись на поверхность только через два месяца моего пребывания здесь.

Когда мы снова преодолевали свалку, пробираясь к выходу из подвала, я, ежесекундно спотыкаясь и чертыхаясь, спросил, не могут ли «разведчики» разгрести здесь, хоть немного. А если не могут, то почему.

– А это шоб полицаям не было резону здесь обшмон делать, – вяло откликнулся Громобой, едва не в первый раз переходя с чист литературного языка.

Мы вылезли на свет Божий, когда тот стал уже меркнуть. Над опустевшими грозно руинами нависали мрачно-серые громады облаков. Мы осторожно пробирались вперёд, озираясь среди разбитых, закопчённых скелетов зданий, словно головёшек посреди гигантского костровища. Я впервые мог оценить ужасающие масштабы катастрофы.

Людей мы не встречали. Вокруг стояла мёртвая, душераздирающая тишина. Не было ни одного живого звука. Лишь бессердечный ветер равнодушно шелестел слежавшейся дорожной пылью. На одном из бывших перекрёстков вдруг обнаружилась стая суетливых воробьёв, так странно и страшно контрастировавших своей оживлённой деловитостью посреди громадного пустынного кладбища. Кое-где торчали, пробиваясь сквозь мёртвый камень и пепел, пучки свежей травы. Чудом уцелевшие деревья, поднимаясь из растрескавшейся земли, пестрели недавно распутившейся листвой, в тщетной попытке противостоять гнёту чёрных туч, упавших на замолкнувший город. По краям дорог, и в сети разломов, покрывавших их (в этом ничего не изменилось!), стояли густые глубокие лужи, с грязно-коричневой застоявшейся водой, рискующей превратиться в болота. Пару раз я умудрялся едва не подвергнуться основательному купанию, но Гром заботливо выдёргивал мои неверные стопы на путь истинный.

Когда в небе основательно ступились сумерки, мы неожиданно заметили в конце улицы длинные человеческие тени, неторопливодвигающиеся в нашу сторону. Не произнося ни слова, Гром резко утянул меня в сторону, за угол, а потом мы спешно метнулись в один из подъездов, и затаились под прикрытием облупленных стен, готовых в мгновение обрушиться на наши плечи. А тени, лениво рассуждая на немецком, добрались до нас, превратившись в вермахтовский оккупационный патруль.

Холодная волна ненависти поднялась во мне. Мы выбирались из убежища, прихватив незабвенные ПП-178 – по одному на брата, да и Громобой, похоже, припас кое-что в своём заплечном мешке. Я взглянул на него, мрачно и требовательно. Он взглянул на меня. И лишь покачал головой в ответ. Я сжал челюсти. Фрицы прошли мимо, и направились дальше, всё так же мирно беседуя.

Посреди этих пустынных ночных развалин они чувствовали себя как дома. Им словно и в голову не приходило, что на этой «ничейной» неохраняемой территории может скрываться в засаде безжалостный враг. Как же я ненавидел их за эту тупую чванливую беспечность, которой мы так и не посмели воспользоваться!

Но всю обратную дорогу мы молчали: я – злобно, Гром – печально.

– Если бы солдаты пропали, сюда бы отправили новых. И их было бы намного, намного больше, – виновато объяснял Громобой, когда мы уже спускались по лестнице, ведущей в убежище.

В следующий раз мы побывали в городе только через месяц. Было лето, и это ощущалось даже здесь. От простых и робких цветов, распускаявшихся, несмотря ни на что, повсюду, вокруг разносился несильный, но ощутимо сладкий аромат, к которому примешивалась свежесть только что пролившегося утреннего дождя. Периодически проглядывающее солнце празднично отражалось в хрустальных капельках воды, блестящих на омытой листве, переливавшейся всеми оттенками малахита. Как прекрасен был Божий свет, несмотря на все эти разрушения, принесённые человеческой жестокостью!

Мы выбрались на берег Тобола. И глядя вокруг, я вдруг подумал, что как будто ничего не изменилось, как будто и не было никаких параллельных миров – всё так же неспешно несла могучая река свои воды, смешанные с изрядным количеством песка и речной мути, и всё так же играла на её поверхности рябь, всё тот же пологий берег из скользкой тёмной подмокшей глины напополам с песком, а над головой – грязно-серые разводы облаков посреди густой небесной лазури.

Мы долго, в молчании, смотрели на неторопливое течение воды. Незнакомые птицы тонко и нежно свистели с другого берега. Время остановилось. У нас не было ни прошлого, ни будущего. Только вечность.

– Вы – как воды, – так же неторопливо, словно зачарованный окружающим покоем, бесцельно заговорил Громобой. Он как будто даже не обращался ко мне, а только к собственным мыслям. – Всё куда-то стремитесь, движетесь, изменяетесь... А всё остаётся по-прежнему – и люди те же. Одни уходят, другие приходят – на их же место. И так – тысячи лет.

А мы смотрим за вами. Тысячи лет. Просто сидим на берегу, и пытаемся вас понять. Но вода мутная, разглядеть в ней – трудно. Но если попытаться очистить её, то поднимется лишь ещё больше мути.

– Разум мутную воду может сделать чистой, как слеза, – в тон ему, неторопливо и торжественно ответил я.

– Но где найти знающего меру вещей?

Я кивнул, соглашаясь.

– Лучше мы, пока, будем ждать на берегу, – добавил Громобой.

И я кивнул снова.

Я хорошо запомнил и ещё один случай.

Примерно через полтора года, когда мы сидели и беседовали в помещении центра управления – отсюда велось и наблюдение за городом, через установленные во многих местах скрытые камеры, и регулярные сеансы связи с другими «разведчиками», вдруг надрывно заверещала сирена. Громобой сорвался с места – было получено экстренное сообщение.

– Азирт погиб, – упавшим голосом пролепетал он, стремительно пробежав текст глазами. Громобой неловко отодвинулся в сторону, вжавшись в стул, накрыл лицо ладонями, и мед-

ленно раскачиваясь всем телом, негромко и мерно застонал. Мне стало страшно. Я никогда ещё не видел его таким. Бесшумно пятясь, я выскользнул из комнаты, и побрёл к себе, пытаюсь сообразить, что же произошло.

Но Гром пришёл сам. Он был невероятно бледен, но спокоен.

– Азирт – мой друг, мы несколько раз работали вместе, – негромко, но твёрдо начал Громобой. – Он прибыл сюда вместе с Мирославом – оба моложе меня. Оба – мои друзья. Азирт – гений военного и диверсионного искусства. Он помогал Ларсу Лёфлингу вывести отряд из окружения во время Гётеборгского восстания – ты о нём слышал. Он подготовил триста семнадцать успешных побегов из застенков и казематов гестапо. Он... Неважно. Но, несмотря на это, ему всегда удавалось оставаться невредимым. На общем собрании «разведчиков» в Испании, на прошлой неделе, был поставлен вопрос об освобождении руководства Народной Независимой Испанской Республиканской Партии, схваченного фашистами. Азирт был одним из немногих, кто поддержал эту идею. В конце концов, он сам вызвался руководить всей этой операцией. И-и-и... и... – голос его неожиданно задрожал, и прервался. – Зачем он шёл туда?! Это было невыполнимо, невозможно! Он... он не мог по-другому. Кто-то может выдержать... ножом в сердце... а кто-то нет... Они все, один за другим... Все друзья... Зачем всё так?!

Гром тяжело выдохнул. И задышал трудно и прерывисто.

– Это так... так тяжело. И почему погибают... другие? Почему дети, маленькие дети... от голода?! – последние слова он словно выдавливал из себя, тяжело, сильно и отчаянно.

Он развернулся, и порывисто вышел, могучий, но беспомощный в своём горе. Я опустил голову. Странные люди! Умирали за нас...

После разгрома Советского Союза народы Германии и Японии не обрели долгожданных, обещанных вождями спокойствия и благоденствия. Страны превратились в военные лагеря. Единственным занятием, достойным «сверхчеловеков» объявлялось господство над миром. Но где найти столько миров для бесчисленных полчищ арийцев?!

Поэтому, им предлагалось всего лишь превратиться в послушные машины для убийств и, не щадя своих жизней и сил, неустанно охранять мировое господство нацистов от любых посягательств. Всех жителей Германии и Японии с ранних лет готовили к этой великой миссии. Для этого была разработана сложная и изощрённейшая система. Всех детей, начиная с пяти лет, забирали у родителей, и препоручали их воспитание инструкторам в специальных центрах, где царила казарменная дисциплина и казарменные же условия жизни, а основное внимание уделялось военной и идеологической подготовке. Уже в шестнадцать лет военнообязанных юношей и девушек (равноправие, а точнее, равнобесправие!) отправляли в колонии, на несение военной службы – фактически, выполнять роль надсмотрщиков за рабами и умирять недовольных. И хотя после одного из бунтов, когда власть фашистов едва не была свергнута окончательно, всех рабов вывезли за пределы страны, чтобы избежать новых восстаний, а всё необходимое теперь поставляли из других стран, но фюрер не догадался вывезти из Германии самих немцев. Сухая статистика указывала, что после 44-ого в стране произошло 5987 антиправительственных, антифашистских и антивоенных вооружённых восстания, да и возможность военного вторжения никто не отменял. Поэтому, часть новобранцев оставляли в военных гарнизонах, рассыпанных по всей территории Германии.

После двадцати пяти лет обязательная военная служба считалась законченной (хотя в случае военной угрозы призывали всех от 14 до 75 лет). Некоторые могли вернуться на родину, где у них не было ни дома, ни, зачастую родных, ни источников существования. За нищенскую плату можно было получить работу шофёра, грузчика, строителя, повара, или даже военного инструктора для подготовки роботов-убийц – они были необходимы, а работать внутри Германии и Японии могли только «этнические арийцы». Можно было попробовать

получить какую-то должность в одном из многочисленных государственных ведомств, комиссий и управлений... нет, нельзя было – у работающих в них людях тоже были дети.

Поэтому, большинство оставалось в армии до самой смерти или тяжёлого ранения – это было гарантированное жильё, обмундирование, питание, жалование и даже возможность повышения в звании (ха-ха!). А в это время правительства Великих Японской и Германской Империи утопало в безудержной роскоши.

Гром однажды подробно доказывал мне ошибочность фашистской идеологии. Он говорил, что теория превосходства одних народов или рас над другими попросту лишена всякого смысла, так как в наше время не существует абсолютно «чистых» их представителей – даже для аристократов, например, фанатично помешанных на чистоте крови, почти невозможно узнать свою родословную дальше чем на десять-пятнадцать поколений назад, не говоря уже об обычных людях, тем не менее упорно продолжающих говорить о неполноценности каких-нибудь наций. А все люди, в действительности, имеют общее, сходное происхождение, с чем согласны и наука, и религия. Таковы были взгляды «разведчиков».

И они развернули грандиозную, но тайную контрпропаганду среди солдат и мирных жителей в Германии и Японии. В каждом городе теперь были люди, сочувствовавшие Сопротивлению. Не в силах вынести гнёт бездушной диктатуры, многие открыто или хотя бы в душе переходили на нашу сторону.

Крошечные искры народного недовольства вспыхивали то тут, то там – группы людей, а иногда и одиночки, с оружием в руках нападали на патрули, тюрьмы, военные гарнизоны, взрывали мосты, дороги, правительственные здания. Их чаще ловили – некоторым удавалось провести по две, по три акции; затем жестоко пытали, и казнили – обычно на центральной площади, собрав побольше народу, грозно и торжественно. Но всё чаще эти массовые акции устрашения оборачивались только новыми восстаниями, и палачи превращались в жертв народного гнева, а без минуты, казнённые сами шли во главе взбешённой толпы.

И теперь всё чаще казни проводили тайно, по ночам расстреливая закованных людей, поставив их на колени и завязав глаза. Но эхо гулких выстрелов разносилось далеко и долго, будоража умы простых людей. И снова герои-фанатики поднимались в бой, и снова дома и мосты взлетали на воздух, а меткая пуля настигала палачей. За что шли эти люди? У них не было ни единого шанса на победу. Борьба несла им лишь страдания и смерть, смерть, смерть... Страшная и мучительная смерть ждала всех в конце. А они снова появлялись – одинокие искры огромного пожара, чтобы вспыхнуть крошечным, но ослепительно ярким пламенем, и погаснуть через мгновение. Они не могли получить ничего, кроме скупого счастья удовлетворения справедливости. И эта же справедливость и толкала их безумным мученичеством искупать преступления своего народа, в которых они не были виновны. И хотелось верить, что они их искупили.

Позже Громобой начал раскрывать передо мной стратегию и тактику современной войны. Мы начали со знаменитой книги Георгия Константиновича Жукова «Исход войны», которую он написал находясь в Анголе, в вынужденной эмиграции. Его книга была переведена более чем на сорок языков, и стала очень популярной – её издавали, в том числе, и в подпольных типографиях. Это была замечательный учебник военного дела – в каждой строчке здесь было над чем поразмыслить. Маршал подробно исследовал современную армию, начиная с Первой Мировой войны, в которой участвовал сам, и заканчивая последними восстаниями в оккупированных областях. Он рассказывал о причинах военных конфликтов, вооружении, тактике, принципах формирования армий, тщательно разбирал каждое событие, повлиявшее на ход войны.

При этом язык книги оставался довольно понятным и живым: полководец резко осуждал медлительность союзников, задерживавших открытие «второго фронта», что и привело, во многом, к катастрофе, горевал о невероятных жертвах и страданиях, понесённых народами

и нашей Родиной. И в то же время в конце ощущался сдержанный оптимизм: наблюдая за освободительными движениями и анализируя и сравнивая армии фашистов и вооружённые силы независимых республик Африки, Жуков убедительно заявлял об окончательной победе международного Сопротивления.

Тогда же я узнал и о трагической судьбе маршала: чудом уцелел от атомных бомбардировок (его вызвали в это время в Ставку Верховного Командования, и он уехал с фронта, но и до Москвы ещё не добрался), он в начавшемся хаосе пытался продолжать войну с оставшимися частями Красной Армии, но в этот момент его, почти насильно, вывезли «разведчики», решившие, что его план всё равно обречён на неудачу, а гениальный талант полководца ещё может понадобиться в Сопротивлении. Неизвестно, как бы на самом деле сложилась ситуация в Советском Союзе, но от всех страшных переживаний маршал скончался, так и не дождавшись обещанного восстания.

Дни сменялись один за другим, то ускоряясь, как мухи, проснувшиеся после зимы, то лениво ползя, как мухи сонные. Но ни разу не останавливаясь, насовсем. Прошло уже почти три года, как я оказался здесь.

Я нечасто замечал, как расту, но тут вдруг уловил своё отражение среди бликов света на стеклянных дверях – из светящейся полупрозрачной пустоты на меня глядел незнакомый молодой рослый парень, в котором я угадывал лишь какое-то смутное сходство с прежним собой. Незаметно мне стукнуло шестнадцать, теперь уже шло к восемнадцатилетию – дети в Германии и Японии в этом возрасте уже являлись военнообязанными, дети в повстанческих отрядах начинали сражаться, если могли удержать оружие в руках, а иногда и раньше...

На следующий день пришли известия о поражении восстания в Алжире. Страна была уже много лет разделена на две части – оккупированный Север, где находилась столица и другие крупные города, и свободный Юг. Демократическое правительство, фактически изгнанное в пустыню, несмотря на противоречия между социалистами и исламистами, ведущими непрерывную политическую борьбу, сумело создать народное ополчение, и остановить продвижение завоевателей.

Восстание началось с мятежа в городе Тлемсен. На помощь к мятежникам, через Сахару, двинулись полторы тысячи человек, под предводительством неизвестного чернокожего и однорукого мужчины. По пути, к ним присоединялись всё новые отряды народных ополченцев, и вся эта храбрая, но разношёрстная гвардия стремительно прорвала линию фронта, зафиксированную более полувека назад, так что немецкие солдаты едва ли не забыли, зачем они здесь находятся, и умирали от скуки и жары. Узнав об этом, поднялся простой люд, по всей стране.

Военные гарнизоны были повсюду окружены превосходящими силами повстанцев, лишены связи и продовольствия. Встревоженное главнокомандование направило в мятежную колонию флот и сотни самолётов, которые повстанцы тут же начали подбивать. Неся огромные потери, фашистам с трудом удалось удержать армию восставших под Бешаром. Сражаясь с невероятным мужеством, они не смогли устоять перед натиском вымуштрованных полчищ солдатни, нахлынувших с побережья. Постепенно, основные города вновь оказались в руках врага, и теперь уже горстки героев, расплётённые по всей стране, оказались отрезаны от своих товарищей. Но обречённые на поражение, они не сдались, и бились как титаны, до последней капли крови. Лидер восставших загадочно исчез, но ходили слухи, что он выжил, и находится в безопасности.

В любом случае было очевидно, что «фашистские державы» начинают неумолимо отставать от действительно «развивающихся» стран с демократическими режимами и рыночной экономикой. Производство, основанное на принудительном рабском труде и централизованном управлении экономикой, в сочетании с жёсткой диктатурой, тратящей почти все средства на армию и «армию» бюрократов, в который раз доказывали свою низкую эффективность –

не будь огромных трат на развитие науки и внедрение научных достижений, Германская и Японская Империи могли окончательно исчезнуть сами собой – после того, как правительство и солдаты умерли бы, от голода.

Весть об этой борьбе всколыхнула всю Африку. Лидеры Сопротивления призывали свои правительства к солидарности с повстанцами, во многих республиках формировались бригады волонтеров. Я знал, что «разведчики» обсуждают вопрос о помощи народу Алжира, но как обычно, к окончательному решению так и не пришли.

Я резко спросил Громобоя, почему так происходит, и он неожиданно разоткровенничался: они намереваются повернуть все силы для того, чтобы избавиться от захватчиков на африканской земле, а потом и превратить её саму в плацдарм для дальнейшей борьбы.

– Мне предлагают отправиться туда, – бодро добавил он.

– А я?!

Гром усмехнулся.

– На твоё усмотрение, – ответил он лукаво.

– Не может быть! – воскликнул я. Но могло.

Через пару дней мы уже двинулись в путь. Когда мы выбрались из убежища, я не мог поверить, что всё это действительно происходит – и также не мог поверить, когда мы стояли уже на пыльной независимой земле Независимой Демократической Республики Нигерия.

Мы добирались до Африки почти пять недель, но без особых происшествий – повсюду нам помогали «разведчики», которые за долгие тысячи лет, по вынужденной необходимости стали первокласснейшими контрабандистами, и могли перевезти на Луну Берлин, и остаться незамеченными. Так что скрытно доставить двух смирных коллег из пункта А в Б – это было парой пустяков. Нас абсолютно спокойно погрузили в кузов немецкого грузовика, среди свёртков и мешков с непонятным содержимым, но со «своим» человеком за рулём, и мы спокойно проехали большую часть пути, безбожно растряса на ней все кости. Потом нас ожидали какие-то тёмные бараки, не менее тёмные личности, ночные переходы по двадцать-тридцать километров, и вот – задний отсек грузового самолёта – за пару часов мы на восточном побережье Красного моря.

Несколько часов, до темноты, мы осторожно слонялись по окрестностям, стараясь не столкнуться со случайным патрулем. На землю мягко ложились густые синие сумерки; небо, затянутое сиреневыми облаками, подсвечивалось розоватым румянцем заката. Нестройные шеренги волн плавно набегали на пологий берег, и так же плавно скатывались обратно. Вечерний ветер тянул прохладой, но в целом погода выдалась тихой, и это было очень удачно.

В загустевших сумерках к берегу подобралась небольшая лодчонка, которой уверенно и почти бесшумно правили двое, от ушей до пяток закутанные в толстую материю. Один из них приглашающе повёл рукой, и едва мы забрались на борт, как лодка резко сорвалась с места, стремительно удаляясь от берега, который растворился за стеной невесть откуда взявшегося тумана, словно скрывавшего нас от всех ненужных глаз.

Погода портилась. Туман заволок всё непроглядной пеленой савана, и перевозчики начали ожесточённо чертыхаться между собой – было похоже, что им не нравится то, что происходит. В довершение всего, мы начали различать вдалеке гудение моторки, принадлежавшей отряду береговой охраны – эти ребята определённо не дремали! Наша лодка резко рванулась в сторону, чтобы оторваться. Но похоже, наши преследователи только приближались. Нас нагоняли – мы уже слышали, как солдаты переговариваются на борту. Из белой стены тумана, прямо перед нами, выросла ещё одна лодка – опешившие солдаты сами тупо пялились на нас несколько секунд, пока самый «находчивый» неуловимо быстрым движением выдернул винтовку, и над головой засвистели первый пули. Стало не по себе. Сбоку вывернула вторая лодка. Тут соображали быстрее – вода у нас за кормой разлеталась фонтанчиками, от пущенной с неверным прицелом очереди из предусмотрительно установленного на корме пулемёта.

Здравый рассудок выскочил из головы, как ошпаренный. Судорожно сжимая в руках заряженный ПП, я мучительно долго размышлял – подыскивать белый флаг или всё же прыгнуть в воду. Двое «ниндзя» абсолютно синхронно, отточенным движением, повалились на пол, и съёжились в комок, стараясь заползти под несуществующее укрытие. Неожиданно Громобой, сжав зубы, на коленях метнулся к штурвалу, резким рывком выкрутил его в бок, и дальше стремительно повёл лодку вглубь морских просторов.

– Пали! – гаркнул он, не оборачиваясь. – Вм-м-мажь им! – возможно, мне показалось, но в его голосе я уловил еле скрываемый яростный восторг!

После нескольких попыток я, наконец, осознал, что вооружён, и стремясь загладить ошибку, начал беспорядочно дёргать оружием в воздухе, «забывая» указательный палец. При этом я ещё и едва не вытянулся во весь рост, так что едва сам остался цел и жив – хорошо ещё, что враги уже пропали из зоны видимости, и не видели и нас тоже – дуракам, всё же, везёт. Наконец, Громобой сам рывком усадил меня на место, пока я просто-напросто не вывалился за борт. Успокоившиеся перевозчики снова занялись своими обязанностями, а я, хмурый и раздосадованный, понуро глядел на рассекаемую за кормой воду. Но испытания для нас ещё не закончились.

Ближе к утру ветер, дующий прямо на нас, начал крепчать. В проливе поднялись волны. Тонны воды устремлялись на нашу жалкую скорлупку, пущенную в волю безумной стихии. Порывы ураганного ветра продували нас до костей, и хваленую суперзащищённую одежду «разведчиков» развевало как паруса, а солёная вода, подхлестываемая ими, начала уже переливаться через борта, и каждый раз окатывала нас, заливая лицо, так что мы начинали захлебываться. Меня снова охватил неотвратимый ужас. Стена ветра и волн, вместе с трепещущими клубами туманом скрыли всё окончательно – я не мог разглядеть даже собственной руки, вытянутой вперёд!

Громобой снова занял место за штурвалом. Глядя на него, я поразился той холодной безмятежности, сквозившей во взгляде и во всём его облике – он словно наслаждался этой поднятой бурей, всё время удерживая лодку на грани катастрофы – в буквальном смысле, ведь от бушующей пучины нас отделяла лишь обшивка не толще нескольких сантиметров! Но он петлял, маневрировал, отступал, вёл лодку то одним, то другим боком к волне, но настойчиво продвигал нас вперёд. И ближе к утру, когда буря стала стихать, мы начали различать сквозь прорехи тумана широкую полосу берега, темневшего перед нами. Мы всё-таки преодолели грозный Баб-эль-Мандебский пролив, что, на арабском означает «врата слёз»; но ставший для нас вратами к свободе.

Нас ожидали ещё две недели скитаний, и мы достигли цели нашего путешествия – город Майдугури в Нигерии, куда отовсюду стекались люди, желающие примкнуть к Сопrotивлению. И Громобой сразу повёл меня в штаб «разведчиков», где располагались сердце и мозг будущей освободительной военной операции.

– Теперь тебе нужно решить, каким образом ты хочешь помочь Сопrotивлению – меня сейчас вызывают в штаб, и ты можешь поехать со мной, и заняться разработкой плана нашего наступления, – заявил Громобой.

– Или? – уточнил я.

– Или всё равно добраться до штаба, а там записаться в один из добровольческих отрядов, формируемых из потомков русских эмигрантов – у меня на этот случай есть несколько знакомых среди командиров.

Я тревожно замер – я имел шанс избежать риска, и спокойно просидеть в штабе, тем не менее помогая славному делу борьбы народов за свободу.

Нет, будь что будет! Я мечтал сражаться с оружием, а не с картой, карандашом и циркулем в руках. Смерть так смерть! Меня... меня же всё равно не убьют – это просто невозможно,

немыслимо! Любого, но не меня – это совершенно исключено, по причинам вполне объективным. Во-первых, мне ещё только семнадцать. Во-вторых... во-вторых, я ещё так молод. Я умен, я храбр... я хорош собой, в конце концов! Как можно меня убивать?! Я ведь и сам, в конце концов, умею стрелять. Даже если пуля попадёт в меня, то я, не обращая внимания ни на какие раны, всё равно буду отважно сражаться, а уж чтобы меня убили... Да что за глупости?! Нет, этого не будет.

– Запиши меня в отряд! – сказал я.

Громобой молчал, и лишь пристально поглядел на меня.

– Хорошо, – наконец, словно запоздало, ответил он.

Он повёл меня по городу. В этот жаркий час всё словно вымерло вокруг. Величественно торчали высотные новостройки (и это в Африке!), упираясь плоскими крышами в раскалённую поверхность небесной сковородки, в которой плавился слепящей белизны солнечный круг. Под ногами пылал асфальт, гладкий как озеро, и я гулко топал по нему, переполненный восторгом, что снова можно не опасаться немецких солдат, а просто идти и идти вперёд, а вокруг во все стороны простирается привольный мир, наполненный жизнью и светом. И такая ещё прекрасная жизнь впереди!

Город, захваченный в объятьях раскалённого пылающего небосвода, был заботливо укрыт густой тенью парков и садов, в которых загадочно шуршали листья, и разносился густой и сладко-пряный аромат незнакомых цветов. Повсюду певуче звенело десятки фонтанов, и кристальные струи их высоко взмывали вверх, и разбивались тысячами сверкавших радужных капель. Чем ближе мы подвигались к центру города, тем живописнее и красивее становилось вокруг. Но людей мы встречали мало, изредка по шоссе навстречу нам пролетали стремительные автомашины, непривычной, изогнутой формы, и опять не было никого.

Отупевшие от непривычного солнечного жара, проникавшего в кожу, даже несмотря на температурную защиту наших костюмов, и мало смягчаемую тенями окрестных зданий, мы неторопливо и молча брели вперёд.

– Я отведу тебя к одному из своих знакомых, – вдруг вяло забормотал Громобой. – Он много лет участник нашего Спротивления, и сейчас, в предстоящей операции возглавит им же созданное подразделение добровольцев русского происхождения.

– Он тоже русский?

– Да, – выдохнул Гром.

Мы, наконец, пришли. В отличие от оккупированных территорий, штаб «разведчиков» располагался здесь на огромной территории, огороженной высоким металлическим забором. За ним, довольно кургузо набились несколько десятков коренастых, старомодных зданий, выглядевших среди окруживших их новостроек, как муравейник, стиснутый у подножья величественных сосен. Сходство усиливалось тем, что повсюду за оградой, как полчища муравьёв, сотнями метались суетливые человеческие фигурки, сосредоточенно, и независимо друг от друга поглощённых десятками каких-то им одним понятных занятий. Десятки мужчин и женщин, всех возрастов и цветов кожи, в одежде всех возможных фасонов и расцветок, начиная от строгой униформы «разведчиков» и камуфляжа, и заканчивая пестрыми и причудливыми костюмами – все они стремительно перемещались в разных направлениях, перетаскивая какие-то непонятные грузы с места на место, выхватывая друг друга из людского потока и, молниеносно выпалив что-то очень важное, тут же исчезнуть вновь, успевая перекусывать на бегу, или коротко передохнуть на ногах, отойдя в сторону, и через мгновение снова устремиться в колышущееся и беснующееся людское море, над которым непрерывно стоял оглушительный шум здесь о чём-то спорили, оживлённо обсуждали, делились новостями и сплетнями, раздавали зычные команды и бранились на десятках языков, то и дело раздавался гулкий рёв подъезжающих или отъезжающих грузовых фур и легковых автомобилей. Поднимаемая пыль густым облаком стояла с той стороны ограды, мешая отчётливо видеть происходившее,

и только пылающий солнечный круг невозмутимо и надменно сиял в распахнутой вышине. И в то же время, всё в этом хаосе, дела всех собравшихся здесь людей были отчётливо подчинены некоему общему стройному и властному порядку.

На некоторое время я остолбенел в изумлении, но Громобой окликнул меня:

– Идём!

И уверенно повёл меня вперёд, сквозь толпу, без усилия ориентируясь в этом хаосе, и ежесекундно сталкиваясь с десятками знакомых, мгновенно отвечал на рукопожатия, перебрасываясь короткими фразами, и вёл меня дальше. Вот мы свернули за угол огромной кубической постройки из стекла и бетона, и едва не налетели на кого-то. Им оказался плотный чернокожий мужчина в синем спортивном костюме, с короткой стрижкой и очень широкими, плотно сомкнутыми губами. Но при виде нас они вдруг расплылись в широкой добродушной и немного лукавой улыбке.

– Громобой! неужто, ты! – воскликнул он, неожиданно на безупречном русском языке.

– Как я рад! – с искренней радостью ответил Громобой.

Они разом двинулись навстречу друг другу, и широко раскинув руки, крепко обнялись. Через несколько мгновений, Громобой осторожно отодвинулся, и пристально оглядел своего товарища, который снова не смог сдержать счастливую улыбку.

– Это и есть мой старый товарищ, Унданга Калигин Константинович – я в первый раз познакомился с ним во время моей службы в Африке. Он, как раз, возглавляет одно из подразделений, – наконец пояснил Громобой, обернувшись ко мне.

Я ошарашенно разглядывал негра.

– Ты... ты же говорил, что он русский? – неловко уточнил я.

Но Унданга только лукаво усмехнулся.

– Ну, уж не станет он тебе врать! – довольно возразил он. – Русским был мой дедушка!

– Понятно, – ответил я, тоже начиная неволью улыбаться.

Громобой указал на меня:

– Это мой товарищ, Роман Заречный.

– Он так... юн, – пришла очередь недоумевать Унданге.

– В связи с особыми обстоятельствами, мы были вынуждены принять его в свои ряды, – спокойно пояснил Громобой. – И теперь он хотел бы служить под твоим командованием.

– Как же мне нравится, когда ты так начинаешь выражаться! – добродушно воскликнул Унданга. – Я о-о-очень рад, про, что ты сказал! Для меня это очень, очень приятно, что ваш человек... направлен в мой отряд!

– Он обладает определёнными способностями к военному делу, – добавил Громобой.

– Мне такие пригодятся, – ответил Унданга, – улыбаясь ещё шире. – А то мне прислали... пополнение – им стены класть, а не оружие держать. Дуболомы, одно слово! Сделаю-ка я твоего друга своим заместителем – не из этих же мне выбирать!

– Он справится, – кивнул Громобой. – Я, признаться, очень рад твоему решению.

– А ты сам... как? Как здесь оказался? Надолго ли?

– К сожалению, – у меня срочные дела – я должен, немедленно, вас покинуть! – ответил он. – Но надеюсь, что в ближайшее время смогу снова... заглянуть к вам, – ответил Громобой, сразу помрачнев.

Командир тоже заметно приуныл:

– Всё дела, дела...

– Да, всё так, – кивнул Громобой. – Ну, я пойду, наверное, – после неловкого молчания добавил он.

– Давай! – кивнул Унданга, легко поморщившись.

Он крепко потряс Громобойю руку, и тот, наскоро попрощавшись со мной, стремительно развернулся, и двинулся обратно, продираясь сквозь густую гудящую толпу.

Унданга подошёл ко мне, и улыбнувшись, тоже протянул руку.

Я, замешкавшись, протянул свою в ответ, и почувствовал энергичное пожатие мясистой, шершавой ладони.

– Идём со мной, товарищ, – мягко приказал он.

Я невольно улыбнулся про себя такому обращению. Но никакой неприязни оно не вызвало – прекрасное ведь слово, если разобраться!

– А вы что, товарищ командир, коммунист?! – подражая ему, переспросил я.

– Да у нас все... немного того... для нас всегда... наша Советская Родина... помним её! – просто и в то же время торжественно, с некоторой степенностью отвечал Унданга. – Есть и коммунисты. Но я – нет. Любой может воевать с фашистами.

Я согласно кивнул.

– А вы правда собираетесь сделать меня заместителем? – невзначай уточнил я.

– Я редко говорю что-то просто так, – просто объяснил Унданга, заводя меня в здание через железную дверь, покрытую охряно-рыжей каймой ржавчины, и низко вырубленной в стене, на уровне самой земли.

– Ты думаешь... вы думаете, – поправился я, – что я справлюсь?

– Я доверяю Громобоею – он мой надёжный друг.

Он повёл меня по длинному, слабо освещённому коридору, с низко надвинутым потолком и глухими шершавыми бетонными стенами, неровными, словно покрытыми десятками крупных оспин.

Он втиснулся боком в низкую, полураспахнутую дверь, я прошёл за ним, и мы оказались в просторной комнате, где на гладком, зеркально выметенном полу, в два ряда вдоль стен выстроились металлические койки, покрытые ровно застеленными белоснежными простынями, под которыми горбились прямоугольники подушек. Между ними пропихнули кургузые тумбочки, для хранения личных вещей.

– Тута нас и разместили! – широко махнул рукой командир. – Почти что в подвале, но так ничего – чисто, тихо.

– А где...

– Бойцы? – догадался Унданга. – Ща все на учениях! Придут только к вечеру. Ты пока располагайся, так сказать, отдыхай! Вот твоя койка – третья слева. Может, тебе чего-нть нужно?

– Да нет, спасибо. Мне бы отдохнуть!

– Ну, эт первое дело, с дороги! – одобрил Унданга. – Так, – задумался он, – ужин будет – в шесть, не опаздывать! После ужина – общее собрание отряда.

Я кивнул.

– Военную форму и оружие получишь тоже... ах да, у тебя ж... всё своё! – вспомнил Унданга. – Ну, тогда... я пойду, наверное.

Он вдруг улыбнулся:

– Ты ведь... оттуда?!.. – как то робко спросил он, и не дождавшись ответа, аккуратно прикрыл за собой дверь.

Я удивлённо раздумывал над его словами: что он имел в виду – из России, или... или из параллельной реальности?!

Но усталость не позволяла предаться обстоятельным и бесплодным раздумьям – я устало прошёл к своей койке, небрежно стянул со спины болтающийся объёмистый рюкзак, плюхнул его рядом. Затем, медленно опустился на протяжно заскрипевшие пружины, утомлённо уронил голову на белоснежную ткань – и перед моими глазами словно вновь короткими вспышками промелькнула картина наших скитаний. И глаза сами закрылись...

2. Вставай, проклятьем заклеимённый...

Машина невероятно тряслась на ухабах. Водитель вёл её, оглушительно матерясь – состояние, отделявшее нас от двух преследовавших немецких мотоциклов, неотступно сокращалось. Мы дважды не остановились в ответ на их требования, и теперь они твёрдо вознамерились разделаться с нами. Непонятно, почему они не стали стрелять по колёсам – похоже, преследование разжигало у них чисто спортивный азарт. Вляпались, нечего сказать! Это всё Гром! Предложил «срезать» – знал ведь, что здесь постоянно дежурят патрули! Да здесь вообще шлагбаум стоит! Стоял, то-есть... Пришлось его сбить... А ведь сто километров до нашего аэропорта оставалось, не больше! А теперь – если живы будем, то хорошо...

– Вставай, парень! – услышал я доносившийся словно издалека молодой мужской голос. Меня, похоже, зверски трясло за плечо. Я распахнул глаза, и увидел прямо над собой лицо молодого парня лет двадцати. Русский – светло-песочные волосы, васильковые глаза. «Вася», почему-то вдруг подумал я. Его зовут Вася.

– Как тебя зовут? – тихо переспросил я.

– Вася, – запрограммировано ответил парень. – Кх-кх, Василий Земляничкин! – торжественно поправился он, разгибаясь.

Я увидел, что вся комната уже полна людьми – повсюду слышался громкий смех и шум голосов – но все разговаривали, насколько я мог расслышать, на безупречном русском. Находившиеся неподалёку начали оборачиваться к нам. Я заметил здесь и нескольких девушек. Но в основном это были такие же молодые ребята, как и товарищ Вася – всем где-то от шестнадцати до двадцати пяти. Все затянутые в светло-серый камуфляж, и некоторые выглядели в нём довольно забавно.

– Ты сам – кто такой? – резко осведомился высокий темноволосый красивый парень, сидевший на койке справа.

– Да так...

– СМБР! – громким и взволнованным шёпотом провозгласили ему в спину. – Сам-то не видишь?!

– Да, есть немного... – величественно подтвердил я.

Тут же в комнате поднялся гомон полупридавленных взволнованных голосов, и в тот же момент десятки пар глаз искоса, но не упуская ни малейшей детали мгновенно устремились в мою сторону.

– А пальцем стену пробьёшь? – робко спросил у меня Вася.

– Давно не пробовал! – спокойно отозвался я, важно садясь на подушку.

Чернявый невольно отодвинулся.

– Константин! – элегантно протянул он мне руку.

Я от души пожал её:

– Роман Заречный, – отрекомендовался я. – Сотрудник Службы Международной Безопасности и Разведки.

– Ты воевал? – спросила синеглазая невысокая девушка с тёмно-каштановыми, и казавшимися почему-то очень мягкими, словно шелковыми волосами, мягко спадавшими на плечи, отодвинувшись от группки спорящих.

– Разное бывало... – небрежно отозвался я, лишённый возможности признаться в правде, но, не желая терять лицо.

– Что говорят? Что планируется? – уверенно уточнил широкоплечий и рослый подросток с ещё совершенно мальчишеским лицом.

Я только собрался ответить, как дверь распахнулась, и в комнату вошёл командир, наконец-то тоже сменивший своё одеяние на пятнистую военную форму и небольшую ярко алую беретку на макушке – так он выглядел удивительно гордо, и даже воинственно.

Словно ураган пронёсся вокруг – все сорвались с мест, и во мгновение построились в две шеренги, вытянувшись в проходе. Я тоже втиснулся между бойцами, и непривычно замер по стойке «смирно» (не стоял так со школьных уроков физкультуры – у «разведчиков» строевая подготовка отсутствовала в подобии!).

Командир прошёлся вдоль строя, зорко оглядел всех, с небольшим прищуром, искомандовал:

– Напр-а-а! За ной ша-а-аг арш!

Звучно впечатывая сапоги в пол, вся колонна двинулась за ним.

Унданга вывел нас в коридор, затем, через коридор, под расстеленное угольное полотно южного неба, испещрённое крупными сияющими искрами звёздочек. Через опустевшую площадку мы прошли к сверкающему электрическими лучами невысокому зданию, откуда во все стороны разносился нестройный шум и аппетитные запахи – это была столовая. Я наконец-то ощущал уже почти забытый вкус обычной человеческой пищи – за время в убежище я привык считать еду довольно неприятной, но необходимой обязанностью, а по дороге сюда нам с Громом часто приходилось голодать по несколько дней. Редкие случайные перекусы, как правило, ограничивались всё теми же пайками «разведчиков» или, чаще, какими-то совершеннейшими помоями. А здесь – целая миска гречки с тушенкой и морковью, свежий хлеб (настоящий чёрный хлеб!), чай. Мне не верилось, что всё это может быть наяву! Меня постоянно тянуло пощупать, понюхать, снова и снова прикоснуться к ровно отпиленным ломтям свежего ароматного хлеба, и зарыться в него с головой. Я медленно и тщательно, по многу раз пережёвывал каждый кусочек пищи, наслаждаясь этими забытыми ощущениями прикосновения пищи к языку, её вкусом, запахом, видом, потом долго тянул чай, смакуя каждый глоток. К счастью, времени на ужин было дано довольно много, и моё удовольствие не было прервано.

После этого, командир снова собрал всех нас, и опять повёл куда-то (в этот момент, ощущая топот множества ног со всех сторон и постоянное дыхание соседа мне в затылок, у меня вдруг, на миг, возникла навязчивая мысль о том, как сильно мы все напоминаем большое покорное стадо, но через несколько мгновений её сменили десятки других, более уместных). Мы пришли в просторный светлый зал, где на стене висела большая, но изрядно потрёпанная и довольно ветхая карта из нескольких больших листов, и в несколько рядов были выстроены простые деревянные скамейки. Мы шумно расселись, и Унданга вышел вперёд, и как-то просто и одновременно величественно начал:

– Товарищи бойцы! Все вы знаете, наша Родина находится... захваченной полчищами фашистов. Она стонет сейчас, растоптанная под вражеским сапогом, – он на мгновение прервался, в скорбном молчании. – Но врагу мало, что он захватил нашу Родину. Он хочет больше – он теперь хочет двинуться на Юг, он хочет покорить все свободные народы! Наши деды и прадеды бежали из захваченной фашистами нашей Родины, но теперь враг опять хочет прийти, уже сюда! Он и так уже столько лет держит в рабстве всё побережье Африки. И мы должны сорвать его подлые, поганые планы! Мы должны нанести удар, мы должны бить и гнать, мы должны прогнать фашистских бандитов, мы должны прийти на помощь народам Северной Африки! – Унданга остановился, немного помолчал, прокашлялся, нервно отбарабанил кончиками пальцев по стене. – Военное командование наших республик вместе со службой СМБР приняло решение и разработала план операции по освобождению Алжира, Ливии и других республик, вероломно захваченных врагом. Планируется одновременно нанести мощный удар по всей линии фронта с Юга, и одновременно высадить морской десант с Севера, чтобы ударить по фашистским силам с тыла. В дальнейшем, подавив оборону противника, наши войска

двинутся через горы и пустыни на соединение друг с другом. По дороге они должны уничтожать военные базы, технику и живую силу противника.

Перед нашим отрядом поставлена важная задача, от исполнения которой зависит и всё само наступление: нам, вместе с ещё несколькими русскими подразделениями будет необходимо по Средиземному морю добраться до побережья Ливии и атаковать город Сирт. Через три дня наше подразделение соединят с остальными частями, которые будут должны участвовать в наступлении, и отправят в Рашид, откуда мы и доберёмся до Сирта. Подробнее о плане штурма я расскажу позже – он ещё не принят окончательно. И я надеюсь, что вы не опозорите чести русского солдата! – важно провозгласил Унданга. – У кого-то есть вопросы? – вдруг спросил он. – Если нет, то все свободны. Товарищей Заречного и Степанченко я прошу остаться, – неожиданно добавил командир.

Все начали вставать со своих мест, шумно обсуждая услышанное. Вместе со мной к командиру подошёл ещё только один худощавый мрачный юноша – это, похоже, и был Степанченко.

– Вот что, молодёжь, надо нам над планом голову поломать – кроме вас некому! – сказал командир. – Я буду руководить всем наступлением на Сирт.

– Ого! – вырвалось у меня.

– Вы двое будете моими заместителями, – мягко продолжал командир. – Мне одному с этой компанией не справится.

– Кампанией? – переспросил я.

– Ты прям как Гром! – усмехнулся командир. – Тоже всё время что-нить отчебучит.

Он подошёл к карте, которая была вся испещрена какими-то закорючками и пестрела множеством подписей. Но тут я вспомнил, что Громобой упрямо вдалбливал в меня картографию, и начал всматриваться пристальнее. Это оказался подробный план вражеских укреплений со стороны берега, составленный «разведчиками» (хоть в чём-то от них прок!).

– Вот смотрите, здесь удобное место для высадки. Давайте вот о чём подумаем... – и началось.

Наступление наше началось. Вот только не сразу. Ближайшие три дня к нам каждый день прибывали всё новые и новые отряды добровольцев. А я весь с головой окунулся в кипучую деятельность: с утра пропадал на учениях вместе со всем отрядом (это оказалось так необычайно легко – просто выслушивать команды, и стараться выполнить их, как можно лучше), а вечером, с командиром и этим Степанченко (толковый оказался парень, с прошлым которого, к тому же, оказалась связана совершенно удивительная история – он четыре года назад бежал из оккупированной Украины, от фашистского рабства, спрятавшись в кузове немецкого грузовика; вот только, в отличие от нас, везли его настоящие фашисты, и каждое мгновение могли его обнаружить и тогда он бы сейчас не придумывал всякие операции!) продумывали каждую деталь предстоящего штурма. Задача оказалась та ещё: оборонительные сооружения были построены, по большей части, ещё сразу после оккупации города, но сделаны основательно. Вокруг большей части была выстроена огромная стена, добросовестно выложенная массивными каменными плитами в несколько рядов, привезёнными бог знает откуда. А там была ещё и целая маленькая вражеская армия, с пулемётами и орудиями, засевшая в крепости. Совсем неплохо будет бегать там под их огнём!

Но это только присказка. Скоро нас всех собрали, отвели на железнодорожную станцию, где шумной толпой разогнали по вагонам, и длинные поездной удав потянулся через пустыни, горы и саванны, через всю континент – на Север. Странствие наше, нудное, однообразное, но не доставляющее особых хлопот, продолжалось почти месяц – с железными дорогами, тем более связующими несколько государств, было не всё ещё благополучно. Вагон был забит вплотную – даже пройти по нему из конца в конец было невозможно, не наступая на других.

Спали вповалку, на подложенных рюкзаках. Еда только на станциях, два, а чаще раз в сутки. Нестерпимая жара, спёртый, душный воздух, наполненный ароматами давно не мытых тел, грязь повсюду, теснота, нудная скука – но главное, мы всё же двигались вперёд, не прилагая ни одного усилия.

Вагоны с войсками растянулись едва-ли не через весь материк. Удивительно было, как фашисты не заметили этого, и сами не ударили раньше. Но это, вероятно, объяснялось их обычным презрением ко всем остальным людям и ленивой самоуверенностью.

За это время я познакомился почти со всем отрядом, носившим многозначительное, но малоразумное название: 5-ая Интернациональная Южноафриканская Республиканская Добровольческая Русская Бригада. Всё это были, в основном, простые молодые парни, чьих предков «разведчики» вывезли из России. Многие легко говорили по-русски, хотя было несколько чернокожих. Русские жили здесь чаще замкнутыми общинами, стараясь заключать браки только между собой, и помогая друг другу, по мере сил, хотя было и немало исключений. Вот только жизнеописания моих товарищей были однообразны, как дни нашего путешествия, говорили они об одном и том же, то есть, ни о чём, смеялись над разными глупостями целыми днями. Это уже скоро нагоняло только ещё большую скуку.

К счастью, я познакомился с той самой девушкой с каштановыми, словно шелковистыми волосами, спросившей меня про СМБР. Её звали Таня Свиридова. И кроме имени и фамилии, я долгое время ничего о ней не знал. Среди окружавшего шквала голосов, она могла молчать часами, задумчиво и мечтательно уставившись в пустоту. И я, рядом, тоже молчал. Я не спрашивал, о чём она думает. Не спрашивал ни о чём.

Мы слушали звуки: хаотичные беспокойные голоса, смешиваясь, приобретали непонятную красоту и мерность, превращаясь в шум прибое, колёса ритмично стучали по рельсам, как удары человеческого сердца. И это было так странно, и так прекрасно. Время здесь словно исчезло вовсе – часы за часами. А мы всё слушали.

Особенно было хорошо, когда поезду ничто не мешало, и он начинал разгоняться, стремительно пожирая километры. И так нестись в нём, сквозь необозримые пространства саванны. И нет преград. Мелькают вёрсты, кручи... Мощь, воля, огонь и бег. Словно на крыльях, словно нагоняя горизонт. Всё вперёд и вперёд. И судьба ждёт. Ждёт нас.

– Ты – «разведчик», – то ли вопросительно, то ли утвердительно произнесла Таня, повернув ко мне своё светлое, почти полупрозрачное лицо, с нежными тонкими чертами. – Мама помогала им. Почти пятнадцать лет. Они её, ещё когда она была в детстве, спасли от смерти – увидели, однажды, голодную, и мешок муки оставили, тайком. А у них в семье тогда никто работать не мог; дети маленькие, родители все болели – ну, фашисты их и перестали кормить... После этого родители поправились, а мама и стала вам помогать.

Она мне говорила, что папа тоже на «разведчиков» работал. Только он ушёл однажды, и не вернулся. А мама так решила, что погиб. Я его и не помню.

А они меня ещё читать научили. Зачем читать, если всё равно нечего?! От деда книжки оставались. Однажды, зима холодная была – снег в доме, чуть по ночам не замёрзли совсем. Я книги сжечь хотела, а мать не позволила – память, вроде как, и они, так и полёживали, – и Таня чуть улыбнулась. И улыбка получилась лёгкая, но светлая, так не вяжущаяся с её гнетущим рассказом. – Так и жили. «Разведчики» нам помогали. А я на них всё ругалась, что люди вокруг от голода дохнут, а они ничего не делают. А мама всё говорила, что им должна. Они её начальником цеха сделали, на заводе. А она им всё потом рассказывала, что могла узнать.

А однажды пришли к нам двое, ночью. Привели ещё двоих – те еле идут, все в крови, трясутся, шатаются – в одних рубашках. Это партизаны были. Я их тогда в первый раз увидела – люди, как люди. Как скелеты тощие, да и мы не лучше, одежда – одни заплатки. Оказалось, что они из окружения вырвались. Маме сказали, чтобы она их у себя оставила. Она и согласилась. У одного из них сумка была. В ней – бумажки какие-то. Мама её сразу спрятала,

в погреб – у нас погреб был большой, отец ещё делал. Если не знаешь, где он находится, так просто не найдёшь. Потом ваши ушли, а партизаны остались.

На следующую ночь их должны были другие забрать. Но под вечер уже пришли к нам фашисты – выдал кто-то из соседей. Партизан схватили – те в бреду валялись, без сознания. Маму увели. А меня дома не было. Я пришла – вижу, всё перевернуто, нету никого. Я сразу в погреб – сумка на месте. А тут пришли ваши. Сумку забрали, и меня с собой. Я сначала не хотела уходить, так они меня взяли, и понесли. Привели в отряд. Там мне сказали, что маму убили. Мучили, говорят, страшно, – Таня сбилась, прервалась. – Всё узнать хотели, где эта сумка, будь она проклята! Так и умерла. Я тогда и про отца узнала. Он от фашистов бежал, и в лесу скрылся. А потом и подался в партизаны – возвращаться ему нельзя было, фашисты бы тогда и нас с мамой сразу убили. Он два года назад погиб.

А в сумке той документы оказались, план какого-то города, африканского, – и у девушки в глазах блеснули искорки смеха. – Его, говорят, у генерала какого-то стащили, он туда и ехал. Не доехал – его те партизаны, которые у нас были, в плен захватили. А документы теперь надо в Африку доставить. Ну, мне и сказали: «Езжай, мол, нечего тебе теперь здесь делать!» Ну, я поехала. Попала сюда. Здесь меня на «разведчики» к себе на работу взяли. Да что здесь за работа! Пять лет так проторчала.

– А как ты в отряде оказалась?

– Да как узнала, что скоро хотят бить фашистов, то сразу... сразу решила ехать тоже. А потом узнала, что они и девушек принимают – так всё и получилось, – спокойно ответила Таня.

– Я так же. Их бить и бить – конца-края не видно, – согласился я.

– Я маму вспоминаю – за что её?! – продолжала Таня, потревоженная какими-то мрачными мыслями. – И за то, что она вам помогала – что вы для неё сделали?! Что?! Она ведь так и погибла, ничего не выдала. А ради чего?! – вдруг горестно, и с каким-то ожесточением заговорила Таня.

– А что мы могли?! – оборвал я девушку, кажется, слишком резко.

Она замолчала. Я заметил, что некоторые тоже, с явным вниманием прислушиваются к нашему разговору.

– Но это ведь... это ведь вы всё начали, всех собрали! – с робкой, но упрямой убежденностью, поддержал меня Вася.

Я не ответил ничего. Дальше мы с Таней опять молчали.

Лишь на следующий день я вдруг решился выложить и про себя всё, до последней капли. К моему удивлению, Таня поверила всему сразу, и без колебаний. Она всё так же прямо и немного печально смотрела на меня своими большими светло-кариими глазами, и ничего не произносила в ответ. Но я видел, что ей доставлял удовольствие слушать о нашей мирной, свободной и счастливой жизни, без ужасных войн и бессмысленных смертей. Вернее, как жили. Как жил я – было-было, и прошло.

Поздно вечером мы добрались до промежуточной цели – Рашида. Город был до краёв заполнен толпами солдат. Несколько часов мы разыскивали то место, где по предполагаемым приказам нас должны были разместить. Это вызывало некоторые пессимистически-тревожные мысли и касательно предстоящего штурм-наступления. Но всё же нас где-то разместили, и мы, измученные повалились спать.

Не тут-то было – я, как заместитель, ещё должен был проследить за тысячью сотен дел и выполнить сотню тысяч обязанностей. Уснуть я смог лишь ближе к утру, находясь уже в почти бессознательном состоянии. К счастью, операция должна была начаться ещё только через три дня, что давало некоторую необходимую передышку.

А примерно к обеду к нам на огонёк завернул и некий наш давний знакомый – для краткости назовём его просто Громобой.

– Здорово, Гром! – окликнул я его издалека.

Лицо его, в ответ, озарилось неподдельной радостью. Все тут же бросили свои дела, и начали пялиться в его сторону. Но выглядел Гром вполне себе... как всегда, только был более загоревшим и несравненно более счастливым.

– Я еду с вами! – подобно пламенному удару грома вдруг обрушил Громобой свои слова.

– Как?! – в шоке уставились на него мы с командиром.

– Поручение руководства! – пояснил Громобой. – Однако, я и сам желал принять как можно большее участие в планируемой освободительной операции. Кроме того, сыграл роль и фактор моего личного знакомства с вами обоими.

– Да, славная будет заварушка! – масленно заулыбался командир.

– Здравствуйте, товарищи! – несколько запоздало провозгласил Громобой, поворачиваясь к остальным.

В ответ ему раздался нестройный гул приветственных возгласов.

– Дисциплина – к чёрту! – пожаловался командир.

– А к чёрту её! – сжонглировав словами, отозвался Громобой. – Чтобы умирать дисциплины не много нужно!

– Сколько поляжет! – трагически возгласил Унданга.

– А что остаётся?! – подал голос Громобой. – Что остаётся?!

– Как всегда.

Позже Громобой улучил момент, и подойдя ко мне, спросил:

– Ну, как ты, Рома?

– Всё в порядке. Только бы всё получилось! – вдруг вырвалось у меня.

– Ты про наступление?

– Да. А про что ещё?

– Не навсегда же нацисты поработили человечество! – положила руку мне на плечо, отвечал Громобой. – Мы должны победить. И Он должен быть на нашей стороне, в этот раз!

– Ты веришь, что всё получится?

– Господь один знает, что нам нужно, – с полузатаённой печалью сказал Громобой. – Пусть... пусть и будет... по Его Воле.

Всё следующие дни мы с рассвета до заката грузили снаряжение, продовольствие, оружие, боеприпасы в небольшой, но основательно сделанный пароходик, любезно переданный на нужды армии кем-то из местных жителей – выходить на ней в море, почти целиком контролируемое флотом Германии всё равно было невозможно. К вечеру второго дня Громобой неожиданно позвал меня и командира, и спросил, как мы планируем штурмовать город. Ознакомившись с нашим коллективным творчеством, он надолго задумался, а потом объявил:

– Совершенно не годится. Не учтены силы повстанцев, не учтена возможность скорого прибытия подкрепления к противнику, не учтена возможность авиационного налёта вражеской эскадрилии из Германии – нам, с одной стороны, необходимо в кратчайшие сроки взять город, а с другой стороны, мы имеем возможность осуществить это в действительности. Необходимо постоянно поддерживать связь с отрядами повстанцев, необходимо осуществить наступление одновременно с нескольких сторон, необходимо координировать действия всех подразделений Бригады. Необходимы более высокие темпы наступления!

– Мы не сможем их обеспечить! – мрачно отозвался Унданга. – Бойцы не готовы к таким операциям.

– Мы должны! – прервал его Громобой. – И ещё: необходимо выдвинуться раньше, до начала общего наступления. Иначе нам не успеть.

– Враг сосредоточит все силы против нас!

– Он не успеет – если рассчитать всё точно. Так я думаю. А что ты предлагаешь, Роман? – неожиданно осведомился у меня Громобой.

– Я думаю... я думаю, надо рискнуть, – признался я. – Но сначала необходимо всё продумать ещё раз – нельзя просто бросаться на смерть.

– Хорошо сказал! – воскликнул Громобой.

– Я согласен с вами, – неожиданно миролюбиво воскликнул Унданга. – Но у нас ещё одна проблема: как попасть в город?

Я лишь засмеялся, потому что именно над этим мы и думали всё время, лишаясь сна и отдыха. Город окружён каменной стеной. На ней установлены орудия, и из них будут стрелять. В стене есть ворота. Но они заперты, и хорошо охраняются. Спрашивается, как попасть в город?

– Взорвать стену, – отрезал Громобой.

– К ней нужно ещё подобраться, – подал голос я.

– Надо нанести отвлекающий удар, и заставить противника направить огонь туда, – вдруг торжествуя предложил командир.

– Блестяще! – воскликнул Громобой. – Просто превосходно!

– А с какой стороны будет главный удар? – решил спросить я.

– Со стороны ворот – нельзя. Там нужно наносить отвлекающий, иначе заподозрят. С запада подбираться к городу будет трудно – берег слишком высокий. Поэтому, там тоже будем наносить отвлекающий. Будем штурмовать восточную стену, – невзначай поведал командир, рассуждая на ходу, охваченный приступом военного вдохновения.

– Будем взрывать стену? – уточнил Громобой.

– Да, – подтвердил Унданга.

– Это будет трудно! – заметил я.

– Справимся? – спросил Гром.

Командир помолчал.

– Громобой, – тихо начал он, – ты поможешь нам?

– Чем смогу, – ответил тот. – Только будем наступать и с востока, и с запада.

Командир вдруг неожиданно закрыл глаза, уронил голову на руки, и в тот момент, как я, в панике, уже хотел броситься к нему... вдруг воодушевлённо захрапел на всю комнату. Глядя на него, я почувствовал, что многодневная усталость с неодолимой силой смыкает и мои веки. Сквозь полусон я уловил, как Громобой бесшумно удаляется, и после этого перестал что-либо чувствовать, и о чём-то размышлять.

На следующий день мы заканчивали все приготовления, а я снова успел порадоваться, что всё так удачно складывается: Громобой будет с нами. Я чувствовал, что он не допустит поражения, и мы освободим город от фашистов. Что бы там не думал про это Бог.

Вечером последнего дня Таня спросила у меня, с лёгкой насмешкой:

– Если погибну – будешь вспоминать?

– А если я погибну?

– Я спросила раньше, – напомнила Таня.

– Каждый день! – с притворной торжественностью пообещал я.

– Хорошо, – неожиданно кивнула девушка. – Вспоминай, пожалуйста. Только каждый день, прямо с утра, как проснёшься.

– Подъём завтра, ровно в два! Всем спать! – вдруг донёсся до нас голос командира.

– До завтра! – попрощался я.

Таня лишь молча кивнула в ответ.

Уже засыпая, я успел подумать, что командир у нас оказался всё же человек неплохой. Честный, прямой, беззлобный. Помнил обо всех своих бойцах, и обо всём заботился сам. Никого не приближал к себе, но и не забывал заслуги людей. Командовал уверенно, но без

наглости, и случайных оскорблений. В этом плане он имел всего-лишь один пробел, но весьма колоссальный – вовсе не владел великим русским матерным языком. Впрочем, он умудрялся доходчиво объяснять свои мысли и с помощью скупых армейских команд, время от времени расцветивая их цветастой и пышной бранью на загадочных местных наречиях, которых знал неистощимое количество. За время планирования операции я убедился, что он был неплохим стратегом, не лишённым практического опыта. Всяческим необъяснимым и загадочным директивам, приказам, указаниям, распоряжениям и т. д., и т. п., ежемгновенно поступающим со всех сторон, Унданга подчиняться не спешил и, не слишком уважал как их, так и их составителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.